

ФЛР-22

Рассказы 1 группы (Левыя).

Условный номер в группе	Название рассказа
1	2:19
2	Дик
3	Боевая кукла наследника Тутти
4	Тёмная сторона творчества
5	Недоступная цель
6	Дар
7	Сделано в лаборатории
8	О сложностях жизни в семье телепатов

1. 2:19

Дюзы заглохли, и огромный звездолёт медленно опустился на поверхность чужой планеты. Через час открылся шлюз, и в нем показались три фигуры, отбрасывающие длинные тени в свете восходящего солнца.

— Долетели, — сказал Капитан, коренастый мужчина среднего возраста. Он, как и положено, сделал первый шаг на планету. — Всё благополучно, надо сообщить поселенцам, чтобы перестали волноваться.

— Уже сообщили. Через пару часов начнем выгрузку. — Первый помощник, как обычно, был исполнителен и немногословен. В свои тридцать лет он мечтал сделать карьеру в Звездном Флоте, и поэтому пытался предугадывать желания начальства. Иногда это ему удавалось. Первый помощник был довольно высокого роста и прилагал все усилия, чтобы со стороны не казалось, что он нависает над Капитаном.

Третья фигура отбрасывала самую большую тень. Это был Капеллан корабля, высокий грузный человек в черной сутане. Он был уже немолод, обладал громким голосом и неторопливой, но уверенной походкой. На нём лежала ответственность за души поселенцев, и поэтому он считался почти офицером, к его мнению прислушивался даже Капитан.

— Кажется, приличная планета, как нам и обещали. В любом случае, необходимо будет провести литургию и наметить место, где мы поставим храм. Медлить с этим нельзя, мои прихожане в высшей степени благочестивые люди.

Капитан молча склонил голову, не желая спорить с Капелланом. Он признавал авторитет Церкви и был благодарен лично священнику за то, что тот во время трехлетнего полета часто разрешал споры между поселенцами всего лишь мудрым словом, когда сам Капитан уже готов был снять замок с карцера.

— Итак, выгружаемся. Первыми выходят киберы поддержки. Периметр — под охрану. Тут не должно быть агрессивной формы жизни, если верить разведчикам, но всё равно надо быть максимально осторожными.

— Будет сделано. — Первый помощник развернулся и быстро вернулся на звездолёт.

Планета встретила землян вполне дружелюбно. Мягкая погода, обилие воды в небольших ручьях, впадающих в довольно приличной ширины реку, зелёная трава и редкие кустарники. Чуть вдалеке виднелся лес. И самое главное — воздух на планете был почти идентичен земному.

Через два часа долина вокруг корабля наполнилась движением. Суетливые киберы вытаскивали из грузовых шлюзов кубометры досок, металлических труб и ящиков с инструментами. Поселенцы выводили коров, овец, коз и отправляли их пастись на открытом пространстве вокруг строящегося лагеря. Клетки с домашней птицей стояли в стороне, киберы уже сооружали для них загон. Ботаники осматривали почву чужой планеты и уже спорили о том, где лучше посеять семена родных растений и где высадить саженцы, привезённые с Земли. Шум стоял такой, что Капитану приходилось почти кричать, чтобы донести распоряжения до офицеров.

— Киберам дать команду строить навесы для стройматериалов! Мы пока не знаем, когда тут может пойти дождь, доски могут намокнуть! Трубам всё равно, выгрузите их уже и оставьте. Инструменты срочно под крышу! — Капитан указал на быстро возводимые палатки справа от корабля.

Первый помощник приблизился к Капитану и, наклонившись, прокричал ему в ухо, пытаясь преодолеть жуткий шум:

— Киберы охраны обнаружили движение вокруг лагеря. Выставляем лазерный заслон. Предупреждаем поселенцев, чтобы не выходили за периметр.

— Тут же не должно быть агрессивной жизни? По крайней мере, разведчики описывали эту планету как вполне благоприятную для заселения? — Капитан обратился к офицеру, отвечавшему за безопасность.

— Так точно, все должно быть тихо, — ответил он. — Но я согласен, что лучше перестраховаться. Лазерный периметр особого вреда аборигенам не нанесёт, но заставит их держаться подальше.

— А они разумные, эти аборигены? — Капитан обернулся к Социологу, немолодой женщине со строгим лицом и внимательными зелёными глазами.

— Разумные, примерно, как в нашем каменном веке, — Социолог сверилась с информационным планшетом. — Во всём похожи на людей, железа не знают, живут собирательством, домашние животные есть, оружие примитивное. Опасности не представляют.

— Хорошо. — Капитан повернулся к лингвистам. — Необходимо расшифровать их язык, нам придется устанавливать с ними контакт.

Прошло три дня. Тридцать тысяч поселенцев заканчивали оборудование лагеря, в котором им предстояло прожить несколько ближайших лет. Среди поселенцев были и дети, которые тоже принимали самое активное участие в строительстве. Киберы уже соорудили вокруг огромной территории что-то похожее на укрепленную границу, установили сигнальные вышки и турели лазерных излучателей. Тяжелая техника уже перепахала приличный кусок почвы, и люди начали сеять привезённые с родной планеты семена, высаживать саженцы сотен плодовых деревьев. Все работали от восхода до заката тёплой звезды, напоминающей земное Солнце.

— А как мы назовем планету? — как-то поинтересовался Биолог. Рядом у костра на скамейках расположились все офицеры, пространство вокруг было огорожено, и всё это теперь называлось Очагом Совета.

— В атласах планета имеет номер 2:19, — напомнил Навигатор. — Как назвать словом — не знаю, думаю, нужно устроить конкурс среди поселенцев. Потом проведем голосование и решим.

— Держу пари, победит либо Новая Земля, либо Надежда, — поморщилась Социолог. — Может, решим на Совете?

— Давайте подождём, — Капеллан оторвался от своего обычного занятия — чтения карманной Библии. — Вдруг планета уже имеет название? Спросим у местных, и если оно будет достаточно благозвучное, то его и примем.

— Какая разница, как планету называют аборигены? Нам же здесь жить, нам и называть. — Главный Инженер был невысокого мнения о первобытном обществе местных жителей. Он был вечно занят и поэтому мечтал побыстрее сбежать с Совета.

— Им тоже тут жить, как и нам. — Капеллан усмехнулся, поведя могучими плечами. — И, смею напомнить, живут они тут намного дольше нас. И пусть их совсем немного, по нашим меркам, но это всё-таки их планета.

— Давайте подождём, — решил Капитан. — Может, нас и в самом деле устроит местное название. Как с посадками? — Капитан обратился к задумчивому Биологу.

— Все отлично. Земные семена посеяли, фруктовые саженцы тоже. Завтра приступим к постройке теплиц для овощей. — Биолог бодро отрапортовал, но было заметно, что его что-то волнует. Как и положено настоящему биологу, он был любопытен и задумчив, при этом редко сообщал окружающим о причинах раздумий.

— Что-то не так? Вы выглядите взволнованным.

— Да всё вроде нормально. Поселенцы уже принесли образцы местных растений. Некоторые из них поразительно напоминают наши, и я пытаюсь понять, могут ли они дать гибриды. Всё это очень странно, всё-таки между нашими планетами огромное расстояние, а всё так похоже. И апельсины тут есть, и картошка. Даже спаржа и артишоки есть. Почти земные, но чем-то неуловимо отличаются. Думаю завтра провести генетический анализ.

— Хорошо, — одобрил Капитан. — Займитесь этим в первую очередь. Всё, пора спать, завтра опять ранний подъём.

Офицеры встали и начали расходиться по палаткам, которые были установлены вокруг. Капитальное жильё ещё только начинало строиться из привезённых материалов, геологи и инженеры пока искали местный аналог извести и глины. Впрочем, всё тут так напоминало Землю, что не было сомнений, что поиски быстро закончатся успехом.

Родная планета страдала от перенаселения. Небывалая скученность, недостаток пищи и, главное, воды — всё это подтолкнуло к принятию решения о необходимости колонизации других планет. Сначала в разные стороны полетели разведчики. Героически преодолевая бесчисленные парсеки на самых современных космолетах, которые могли уходить в подпространство и за несколько дней достигать соседних звёзд, они составляли карту потенциально пригодных для заселения планет. Следующими шли учёные — они тщательно обследовали найденные планеты земного типа и выделяли из них несколько десятков для скорейшей колонизации. И только потом в путь отправлялись первые поселенцы. На огромных медлительных кораблях, но очень надежных и вместительных. Их путь занимал несколько лет, но все они, в итоге, оказывались на намеченной планете.

Задача первых поселенцев была сложной. Нужно было основать колонию, найти местные руды и источники энергии, определить, что нужно для их разработки. И самое ответственное — войти в контакт с местным населением. По непонятной причине, почти на всех намеченных планетах была разумная жизнь, хоть и никто из аборигенов не продвинулся в развитии дальше нашего железного века. Выбирать особенно не приходилось — планет земного типа в Галактике было немного, и поэтому даже миры с разумными обитателями считались перспективными. Если металлов и стройматериалов будет достаточно на планете — поселенцы должны были построить Маяк, который укажет путь следующим звездолётам поселенцев. Используя его, они пройдут расстояние от Земли до новой планеты за недели, а не за годы, и привезут не только людей, но и необходимые заводы,

энергостанции и специализированных киберов для обслуживания всего этого. И только после того, как заводы будут развернуты, жильё построено и энергии достаточно — начнется настоящий Исход, и тогда уже миллионы землян придут на планету. И она станет для них новым домом.

Прошла первая неделя поселенцев на новом месте. Фундамент Маяка был уже почти доделан. Вместо палаток кое-где уже стали строиться деревянные двухэтажные дома. От реки был прокопан канал, снабжающий водой посадки земных культур и загоны с домашними животными. Киберы-разведчики обследовали всё в радиусе сотни километров от лагеря и не нашли никаких опасных зверей, зато обнаружили десяток поселений аборигенов на противоположной стороне реки. К ближайшему из них и отправилось целое посольство, состоящее из специалистов — лингвистов, социологов, психологов, во главе с Первым помощником. Безусловно, с ними пошел и Капеллан, который не мог упустить шанс познакомиться с возможной новой паствой.

Капитан велел взять с собой минимум оружия — на всякий случай. Разведчики сообщали о необычайном дружелюбии местных жителей, которые с любопытством рассматривали киберов, снимающих их на камеры. Вокруг лагеря уже давно были замечены аборигены, которые при ближайшем рассмотрении оказались местными детьми. Они издали следили за лагерем, быстро переговариваясь на незнакомом языке. Их разговоры улавливались чувствительной аппаратурой, и лингвисты, с помощью специализированных компьютеров, уже почти расшифровали язык и составили небольшой словарь из тысячи самых употребляемых слов.

Киберы-строители быстро возвели небольшой, но прочный мост через реку, чтобы можно было без помех добраться до ближайшего поселения. До моста земляне ехали на огромном вездеходе, потом оставили его у реки, решив последний участок пути пройти пешком, чтобы не пугать аборигенов необычной машиной.

Вблизи поселение оказалось больше, чем ожидалось из отчётов разведчиков. Сотни хижин выстроилось вдоль большой дороги, вымощенной небольшими камнями. У всех хижин был загон, в котором мычали, рычали и издавали любые известные звуки домашние животные. Приветливые лица выглядывали из-за каждой ограды. Исключение составляли дети, их немалое воинство окружило землян, создавая невероятный шум.

— Ничего не слышно, — пожаловался Лингвист, зажимая уши. — Как бы до них донести, что встречать посольство таким гамом просто неприлично?

— Дети везде — дети, — Капеллан был невозмутим. — Пусть шумят.

Первый помощник оглядел толпу детей, кинул взгляд на взрослых обитателей поселения, спокойно смотрящих на пришельцев, и отдал приказ:

— На детей внимания не обращать. Продолжаем движение.

В центре поселения, уже названного землянами деревней, находилось самое большое сооружение в округе — бревенчатое здание, окружённое небольшим забором. Разведчики предположили, что именно там и должен находиться глава местных. Угадали — именно оттуда навстречу землянам вышла группа людей, одетых в яркие накидки. Все как один они держали в руках длинные деревянные посохи, на которые были надеты черепа каких-то животных.

— Вот и начальство, — Лингвист наклонился к уху Первого помощника. — Говорите по-нашему, я постараюсь перевести. Язык несложный, надо только быть внимательными к тону и окончаниям.

— Приветствую вас от имени жителей далекой планеты Земля, — начал Первый помощник. — Мы прибыли на вашу планету с миром, надеемся встретить здесь людей, с пониманием относящихся к причинам, вынудивших нас отправиться в столь далекое путешествие. Надеюсь, мы сможем договориться и быть полезными друг другу.

Лингвист стал переводить, глядя на планшет, который держал в руке. Там был словарь, что подготовили земные специалисты, там же была связь с

бортовым компьютером звездолёта, который обрабатывал все звуки вокруг и переводил слова на понятный язык. Подобный планшет был у каждого из землян.

Старейшины местных переглянулись. Самый древний из них, тяжело опиравшийся на посох старик, стал медленно говорить, глядя на Первого помощника. Лингвист быстро переводил, постоянно сверяясь с планшетом.

— Доброй доли вам, пришедшим с далёкой звезды. Мы ждали вас, наши пророчества говорили о неизбежности вашего прибытия. Если вы прибыли с миром — то и с миром мы встречаем вас. Все земли по ту сторону реки — ваши. Надеемся на то, что вы будете мудро управлять этими землями. Да будет вечный мир между нашими народами!

— Отличные слова, — Первый помощник слегка поклонился старику. — Мы вам очень благодарны за щедрое предложение, и принимаем его. Да будет вечный мир между нашими народами!

Старейшина улыбнулся, кивнул Первому помощнику и медленно обвёл посохом вокруг, указывая землянам на окруживших их жителей деревни. Потом негромко заговорил:

— Это мой народ, можете поговорить с ним, — быстро переводил Лингвист. — Если с вами пришли и дети — пусть они тоже приходят и играют с нашими детьми, это поможет нам быстрее подружиться по-настоящему. Завтра у нас будет праздник в вашу честь. Мы знаем, что вас очень много и не сможем накормить вас всех, но очень надеемся, что десять дюжин ваших людей придут к нам завтра после полудня.

Первый помощник посмотрел на Капеллана, прося у него совета. Священник, мгновение подумав, ответил старику:

— Мы будем. Мы еще не достроили наши жилища, но придет время — и мы устроим праздник для вас.

Решение землян явно понравилось старику. Довольный, он медленно повернулся и стал что-то негромко говорить остальным старейшинам, потом они все вместе пошли обратно, к большому дому. После этого местные

жители, как по команде, обступили землян и стали их с любопытством разглядывать. Особенно местных заинтересовали металлические части костюмов пришельцев — всевозможные застёжки, пряжки и пуговицы. Почти каждый из них осторожно потрогал пальцем блестящий металл, отдергивая пальцы сразу после касания.

— Железо им, похоже, неизвестно, — тихо сказала Социолог. — Это можно использовать.

— Не будем торопиться с подарками, — так же тихо ответил Первый помощник. — Непонятно ещё, как местные отнесутся, скажем, к стальным ножам или даже к чугунным сковородкам.

— Обсудим, — Социолог кивнула и медленно направилась к небольшой группе аборигенов, призывно машущих руками.

Биолога же больше всего интересовало, каких животных удалось приручить местным жителям. Он подошёл к загону у ближайшей хижины и с удивлением заметил, что в нем мирно стояли коровы, ничем с виду не отличающиеся от земных. В следующем загоне были обычные овцы, в большинстве своём — со спутанной белой шерстью, но попались среди них и несколько черных.

— Занятно, — пробормотал Биолог и обернулся на громкий лай. Из-за хижины выскочила большая лохматая собака, очень похожая на земную овчарку. Собака подбежала к замершему Биологу, принялась и побежала обратно, видимо, не найдя для себя ничего интересного в обычном человеке. — Занятно, — опять сказал Биолог и, по обыкновению, надолго задумался.

Капеллана между тем окружила местная детвора. Детские руки то дергали его за сутану, то протягивали какие-то фрукты, напоминающие яблоки. Капеллан, улыбаясь, взял пару фруктов и спросил у ребят, как они называются. Дети уже привыкли, что пришелец что-то говорит, а на понятном языке повторяет небольшая прямоугольная штукавина у него в руках.

— Аккоя, — ответил невысокий черноволосый мальчик, оказавшийся самым смелым. — Очень вкусно.

— Аккоя, — повторил Капеллан и откусил кусок фрукта. — Действительно, очень вкусно. Спасибо.

— Что это? — спросил подошедший Агроном у Капеллана. — Какой-то фрукт? В нём есть семена?

Агроном был невысок, но очень широкоплеч и силен. Он был чрезвычайно нетерпелив и часто использовал свою силу в работе, когда, с помощью простой лопаты, самостоятельно сажал всевозможные семена, будучи не в силах дожидаться, когда это сделают медлительные сельскохозяйственные киберы.

— Это аккоя, — Капеллан протянул фрукт Агроному. — Похоже на наше яблоко, но чем-то отличается. Как растёт — не знаю, можно спросить у этих молодых людей.

— Яблоко — это хорошо. Нам нужны яблоки, тем более, что местные сорта уже приспособлены к погоде на этой планете, — Агроном взял фрукт, осторожно откусил кусочек и сразу же выплюнул его на землю. — Но они же горькие! Совершенно несъедобные.

— Горькие? — Капеллан взял фрукт обратно и откусил от него. — Нет, ты ошибаешься, сладкая и сочная аккоя. Впрочем, давай наберём их побольше и сделаем анализ в лаборатории. А пока я пойду посмотрю, как они растут. Покажете, как растёт аккоя? — спросил он у ребят, внимательно слушавших разговор землян. Дети немедленно загалдели, самые смелые из них ухватили священника за рукава сутаны и потащили его к невысоким деревьям, стоявшим чуть в стороне от хижин.

— Я пока погуляю по саду, — только и успел крикнуть Капеллан Агроному. — Я недолго!

Чем больше проходило времени, тем всё непосредственнее вели себя местные жители в общении с колонистами. Уже не только дети, но и взрослые начинали активно общаться с землянами. Кончилось всё это тем,

что местные подарили землянам множество фруктов, несколько саженцев плодовых деревьев, четырех коров (по крайней мере, на Земле эти животные назывались бы коровами), и даже двух собак, которых все звали по кличкам — Моро и Диик. Только к вечеру земляне, нагруженные подарками и ведущие небольшое стадо, прибыли на Базу. Встречать их вышел сам Капитан.

— Как прошла встреча? — Капитан с удивлением посмотрел на собак, весело прыгающих вокруг Капеллана. — Разведчики уже доложили, что вы возвращаетесь, но про собак не сказали ни слова.

— Это не собаки, — Священник указал на первого зверя, который тотчас сел и смешно наклонил голову, словно собрался внимательно слушать человека. — Это вот Диик, он чуть крупнее и с черной полосой на спине. А это — Моро, она поменьше и, кажется, посмышлнее. Местные зовут этих животных «торо», и я не вижу смысла называть их по-другому.

— Торо так торо, — Капитан махнул рукой. — Через час я жду всех на Совете.

В этот раз у Очага собрались не только офицеры, но и почти все специалисты, принимавшие участие в посольстве. Не было только Агронома и Биолога — первый пошел сажать подаренные деревья, а второй внимательно наблюдал за киберами, устанавливающими отдельный загон для местных животных.

Через час Совет закончился, все разошлись по своим делам, и у костра остались только Капитан с Капелланом. Они сидели на низких скамейках, смотрели на огонь и молчали.

— Что вы думаете о местных жителях? — Капитан, наконец, нарушил тишину.

— Добрые. Простые. Приветливые, — ответил Капеллан и усмехнулся. — Прекрасные получатся прихожане, если, конечно, они верят в Бога.

— В нашего Бога? — прищурился Капитан.

— Бог один. Просто все верят в него по-разному, — Капеллан склонил голову. — Я еще не разобрался в местной религии, но непременно это сделаю, и в самое ближайшее время.

Капитан хотел что-то еще сказать, но тут к костру подошел печальный Агроном.

— Беда, — проговорил он грустно. — Местные яблони завяли, как только я их посадил. И апельсины тоже.

— Это аккоя, я не яблони, — заметил Капеллан.

— Да какая разница? — отмахнулся Агроном. — Всё равно завяли.

— Посмотрим, — Капитан поднялся со скамьи и пошёл в сторону сада. Агроном и Капеллан последовали за ним.

Саженцы представляли собой жалкое зрелище. Посаженные аккуратными рядами, они сбросили всю листву и поникли.

— Придется попросить ещё у местных, — Агроном подошел к ближайшему дереву и стал внимательно рассматривать ветви. — Это яблоня. Может, тут есть какой-то секрет при посадке?

Капеллан подошел поближе, положил руку на ствол и тихо сказал:

— Аккоя. Именно так называется это дерево.

Агроном хотел что-то ответить, как вдруг его глаза расширились: на саженце стремительно стали отрастать новые листья. Не прошло и минуты, как дерево зазеленело и весело приподняло ветки.

— Что это? — ошарашено спросил он.

— Это просто аккоя, — усмехнулся Капеллан и отправился к следующему дереву.

— Аккоя, — повторил Агроном и задумался.

Священник подошел к другому дереву и посмотрел на табличку, воткнутую рядом с ним в землю. Агроном, чтобы не запутаться, подписал все саженцы, подбирая ближайшее по смыслу знакомое название. На табличке было написано «Вишня». Капеллан достал из кармана планшет и сверился с записями.

— Марра, — сказал он и положил руку на ствол дерева. Дерево немедленно выпрямилось, и на нём появились новые побеги.

Капеллан ходил от дерева к дереву, и через полчаса свежие посадки превратились в цветущий сад. Священник внимательно оглядел его, потом подошел к Капитану и сказал:

— Что поделать, местные деревья слишком привередливые. Желают, чтобы их называли привычными для них именами.

— Хорошая шутка, — кивнул тот.

Капеллан покачал головой и направился к Агроному, но вдруг остановился и прислушался. Со стороны загонов для животных раздавался какой-то шум. Капитан тоже его услышал, махнул священнику и быстро пошёл в направлении непонятных звуков.

У загонов творилась неразбериха. Биолог кричал и отпихивал любопытных от высокой сетчатой ограды, за которой бесновались местные собаки.

— Проклятые собаки совсем взбесились, — крикнул он Капитану. — Хорошо ещё, что я успел выбежать из загона.

— Подожди-ка, — Капитан отодвинул Биолога в сторону и подошёл к забору. — Нужно кое-что проверить.

Биолог в замешательстве сделал шаг назад и чуть не налетел на подошедшего Капеллана, который внимательно смотрел на происходящее и улыбался.

— Вы что-нибудь понимаете? — Спросил Биолог и вытер пот со лба.

— Всё будет хорошо, — ответил тот. — Капитан уже всё, кажется, понял.

Капитан немного постоял у забора, глядя на рычащих зверей, а потом громко крикнул:

— Торо! Диик! Моро!

Звери перестали буйствовать и насторожено посмотрели на человека.

— Хорошие торо, хорошие. Ко мне!

Звери завилияли хвостами, и подошли поближе к забору. Капитан открыл дверь, вошёл в загон и спокойно положил руку на голову большего торо.

— Диик, хороший торо, умный. Ты же у нас умный? — приговаривал Капитан, глядя по голове местную собаку, ставшую вдруг совершенно послушной.

Второй зверь подошел к человеку и ревниво боднул его в ногу.

— И ты умная, Моро, — засмеялся Капитан, потрепал второго зверя по голове и вышел из загона.

Биолог молчал, замолкла и обступившая загон толпа. Капитан поглядел по сторонам, вздохнул и громко сказал:

— Приказ. Местные растения и тем более местных животных называть только их здешними названиями. Никаких «собак», «коров» и «яблонь». Не знаете, как кто называется — не называйте никак. Завтра утром мы составим словарь. Все будут должны выучить его наизусть. А теперь всем спать.

Толпа разошлась, обсуждая увиденное. Биолог осторожно подошел к забору и прикрыл дверь в загон. После чего он обернулся к Капитану и вопросительно посмотрел на него.

— Всё завтра, — сказал Капитан, взял Капеллана под руку и отвёл в сторону. — Вы же правда можете всё это объяснить?

Капеллан кивнул, достал карманную Библию и раскрыл ее.

— Книга Бытия, глава вторая, стих девятнадцатый, — негромко прочитал он. — «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел их к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей».

— Что это означает? — нахмурился Капитан. — Это же про создание нашей Земли.

— Понимаете, я почему-то уверен, что у этого мира тоже был Создатель, и Он тоже поручил первому человеку на этой планете назвать всё

живое. И поэтому называть всё тут нужно так, как это делают местные жители. Иначе, как вы могли видеть, выходит плохо.

— Но на Земле сотни языков, и во всех те же собаки называются по-разному?

— Это не имеет значения, — засмеялся Капеллан. — Мы, земляне, можем называть собак, как хотим — все мы потомки Адама. А тут был свой первый человек, уж не знаю, как его звали. Но я обязательно узнаю.

Капитан задумался. Потом взглянул на Капеллана и спросил:

— А у этого мира был свой Создатель, или тот же, что и на Земле?

— Думаю, что Создатель всё же один, — ответил Капеллан. — Но первый человек тут, несомненно, был другой. В этом-то и вся суть.

Капитан кивнул и медленно пошел к своему дому, но вдруг остановился и оглянулся на Капеллана:

— А вы не знаете, как местные называют эту планету?

— Конечно, знаю, — Священник заглянул в планшет. — Оола.

— Оола... — протянул Капитан. — Прекрасное название. Будем называть её именно так. И это не обсуждается.

2. Дик

В свои двадцать семь Хеди научилась ненависти сполна - было кого невзлюбить и за что. Но человека, который сейчас сидел перед ней, она врагом не считала. Просто попыталась в свое время если не стереть из памяти, то хотя бы похоронить под ворохом других лиц и имен. Сама себя уверила, что их дороги больше не пересекутся. Просчиталась...

- Вот мы и встретились, - сказал полковник Зиррел.

За три года он ничуть не изменился. Высокий, худощавый, безусловно подтянутый, с породистым, как на фамильных портретах, лицом. Мог показаться потомком аристократов, хотя их в его роду никогда не было.

- Я думала, вы уже генерал, - бесцветно отозвалась Хеди.

Полковник изобразил слабое подобие улыбки. Он вообще улыбался редко.

- Может, и стану. Если у нас с тобой все получится.

- Один раз не получилось. И мне этой попытки было достаточно.

- Никто не застрахован от ошибок.

- Есть ошибки, которые нельзя простить. Мы внедрились в Общину и могли сработать хорошо, если бы Агентство нас не подгоняло и снабдило достоверной информацией. Нельзя было соваться в этот подземный человеческий муравейник, не зная о нем почти ничего. Да, все понимали, что главари - психи. Но ваши эксперты в кавычках уверяли, что это психи безоружные, что они действуют словом, а не автоматной очередью. Ну и с кого спросить за гибель группы Р-22?

Откуда взялось это обозначение, никто толком не знал. Поговаривали, что его придумал один умник - любитель чисел, которые одинаково читаются с обеих сторон. А «Р» якобы означало «разум», ведь телепаты именно в нем и ковыряются...

В лабиринтах Общины им фатально не повезло. Кругом люди с покалеченной психикой, чуть ли не биороботы, мозги которых забиты всяким мусором. Что из них выудишь? Приходилось полагаться на

составленный в Агентстве план подземелья, а он оказался очень приблизительным. Это если мягко. Если жестко - никуда не годился.

В одном из не учтенных планом ответвлений скрывалась засада. Когда она выдала себя мозговыми импульсами, было уже поздно - группу атаковали и изрешетили. Выжить удалось только Хеди - ее откачали в реанимации. А вот трое парней ушли в небытие, и среди них - Март...

Стоило ей вспомнить Марта, как из глаз брызнули слезы, и она, отвернувшись, быстро растерла их ладонью по щекам.

- Все допускают ошибки, - повторил полковник. - И за ту операцию были наказаны многие. Я сам чудом усидел в кресле.

- Поздравляю вас, - едва сдерживаясь, чтобы не разреветься в полный голос, сказала Хеди. - Очень уместно сравнивать кресло и человеческие жизни. Думаете, я уволилась из-за минутной слабости? Это была постоянная ноющая боль! После гибели Марта мне опротивело Агентство, опротивело все на свете. Хотелось найти самую последнюю дыру, забиться туда и не высовываться. Так я и прожила последние годы. Дождалась, когда внутри все перегорит и подернется пеплом. А тут опять вы...

- Да, тебе было больно, - изменившимся, почти отеческим тоном произнес Зиррел. - Понимаю и сочувствую. Но ворошить прошлое незачем - от этого никому лучше не станет. Надо жить настоящим и выполнить другое задание. Еще более важное - и в то же время простое, практически не опасное. За этим мы тебя и пригласили.

- Вот как? - огрызнулась Хеди. - Разыскали в богом забытом городке, силой выдернули оттуда, буквально приволокли к вам - и это называется «пригласили»?

- Извини, обстоятельства... Нам не приходилось выбирать.

Какое-то время Хеди, потупившись, разглядывала стол. Затем подняла голову.

- Скажите... А вы меня не боитесь?

Зиррел посмотрел на нее с удивлением.

- Тебя? Ты можешь укунить?

- Если меня прижмут, могу. Я читаю ваш мозг, как раскрытую книгу. А в таких книгах бывают страницы, которые никому не хочется показывать. Например, начальству.

Полковник вздохнул.

- Ты маленькая глупенькая девочка, которой совсем не идет угрожать взрослым дядям. Все мы чем-нибудь да замараны, если выискивать у каждого грехи, не останется времени ни на что другое. К тому же ничего серьезного за мной нет. На все, что ты можешь предъявить моему начальству, ему глубоко плевать. Главное - чтобы работа была выполнена. И я доведу ее до конца, слышишь?

Хеди не ответила.

- Итак, - констатировал Зиррел, - аргументы иссякли. Тогда перейдем к делу. Ты, конечно, читаешь в моей голове, но я хочу изложить тебе все четко и официально. Поэтому притуши свою экстрасенсорику и просто слушай. Так вот, три недели назад над нашей территорией сбили инопланетный космический корабль. Поначалу никто не мог понять, что это за штука. Объект стремительно снижался, на запросы не реагировал, и в конце концов наверху решили не рисковать. Потом подобрали несколько обломков, над которыми сейчас колдуют специалисты. Но самое главное - в наши руки попал живой пришелец.

Теперь ты понимаешь, в какой ситуации мы оказались? Это может быть кто угодно! Например, разведчик, за которым появятся огромные корабли вторжения. Или диверсант с задачей разрушить нашу оборону. И так далее. Короче, необходимо его разговорить. Причем не только из высших соображений. Например, мы знаем, что земная атмосфера ему подходит, а вот чем он питается - без понятия. Предлагали самые разные продукты, пришелец почти от всех отказался, а оставшиеся лишь отведал, да и то через силу. Ученые перебрали кучу способов контакта, но ничего не добились. Наконец пришли к выводу, что звук, ультразвук, цветовые комбинации, язык жестов и тому подобное у сородичей пришельца не в ходу. Оставалось одно: они общаются мысленно. Тогда-то и решили привлечь телепата.

- Почему меня? - резко спросила Хеди. - Я не на службе!

- Потому что больше некого. Лучшие погибли в той операции. У оставшихся способности зачаточные, развить их до нужного уровня так и не удалось. Новых сильных телепатов пока не нашли. Так что группа сейчас фактически существует лишь на бумаге.

- Я не буду...

- Будешь, - с легким нажимом в голосе оборвал ее Зиррел. - Не хочу тебя пугать, но отказаться нельзя. Да и зачем? Я не предлагаю ничего постыдного. Нормальная, честная работа.

Хеди молчала.

- Вот и хорошо, - сказал полковник. - Я знал, что ты умная девочка. Теперь слушай детали.

Гостю со звезд отвели пустующий ангар, который по такому случаю наскоро переоборудовали в жилое помещение.

При взгляде на инопланетянина напрашивалось сходство с измельчавшим кашалотом. Длинная прямоугольная голова, сужающееся книзу тело, но вместо хвостового плавника - две крепкие ноги, а вместо грудных - пара довольно длинных четырехпалых рук. Одет он был в темный, почти черный комбинезон, контрастирующий с желтой, как воск, кожей.

Ростом «кашалотик» превышал два метра, и вначале, стоя перед ним, Хеди чувствовала себя неуютно. Но скоро, еще даже не начав его «прощупывать», поняла, что пришелец не опасен. Особенно впечатляли глаза - большие, выпуклые, дымчато-серые. Они подкупали спокойствием, удивительным для существа, попавшего в такую переделку. А еще в них читалась мудрость цивилизации, нашедшей способ рассекать Галактику.

«Моби Дик, - вдруг подумала Хеди. - Впрочем, нет. Тот - огромный роковой монстр, а этот... Пусть будет просто Дик!»

Она сосредоточилась. Проникнуть в человеческий разум, как правило, удавалось без труда, но инопланетный представлялся ей хитроумным тайником. Вот бы узнать его план! Добралась до нужного

сектора, продвинулась вперед, свернула налево - а там тебя дожидается сундук с сокровищами...

Однако плана не было. Никаких подсказок! Вместо оформленных образов, с которыми она привыкла иметь дело, в сознании пришельца колыхался плотный слоистый туман. Его пряди то спутывались, то вновь расплетались, и отыскать в этом хаосе какую-то систему казалось невозможно.

Хеди была уже на грани отчаяния, когда кое-что изменилось. Она ощутила исходящие от Дика импульсы и поняла: тот видит в ее мозгу такой же туман, но пробует сквозь него пробиться, и небезуспешно.

Это ее воодушевило. Хеди сделала еще одно мысленное усилие - и два разума соприкоснулись.

Она вошла в кабинет - и чуть не споткнулась на ровном месте. За столом, кроме полковника, сидела молодая симпатичная женщина в военной форме. Вблизи выяснилось, что погоны у нее капитанские, а глаза - зеленые, как крыжовник. Заглянув в эти глаза, Хеди сразу почуяла исходящую из них опасность. Чтобы ощутить ее, даже не требовалось прибегать к телепатии.

- Знакомься, - сказал Зиррел, - это Эрна, наш консультант-психолог.

- Зачем? - плюнув на дипломатию, отрубил Хеди. Хотя все и так было ясно.

Полковник нахмурился.

- Послушай, нам сейчас не до твоих капризов. Так надо. Так положено. Во-первых, садись. Во-вторых, соберись и выложи все, что узнала у...

- ...Дика.

- Кого? - поднял брови полковник.

- Ну... Мне так захотелось. Должно же у него быть какое-то имя?

- Ладно, пусть будет Дик. Итак?...

Хеди покосилась на зеленоглазую Эрну. Та держалась непринужденно, словно считала себя хозяйкой положения, и уже одним этим действовала на нервы. Эх, до чего же здорово было бы вышвырнуть ее за дверь!

Примерно полминуты Хеди не могла заговорить, потому что ощетинилась, как еж. Наконец, опустив «иголки», начала:

- Все, что я смогла вытянуть у Дика, очень односторонне. Не удалось получить даже базовую информацию: кто он, откуда и с какой целью прибыл на Землю.

- Почему? Ты же телепат!

- Сейчас он неадекватен. Потерял слишком много энергии за время путешествия и еще больше, когда вы его... - Хеди сделала выразительную паузу. - Поэтому Дик зациклил свое сознание на том, что должен просто-напросто сохранить себе жизнь. Все остальное - побоку.

- И мы можем ему помочь?

- Обязаны. Конечно, очень трудно понять существо, не использующее язык. Дик передавал мне в мозг зрительные образы - картинки, схемы и так далее. В конце концов, может, с двадцатой попытки, я уяснила, что прежде всего ему нужен хитин. Нашим организмом он не усваивается, поэтому его ему и не предлагали.

- Хитин? - переспросил полковник.

- Ну да. Углевод, главное вещество в грибах и покровах членистоногих. Но это не все! - Хеди достала из кармана блокнот и раскрыла на нужной странице. - Вот несколько химических элементов: бор, медь, ванадий, иттрий, индий. Для нашей физиологии они большой роли не играют, а Дику без них не восстановиться. Скорее всего, и не выжить...

- Вот как? - недоверчиво спросил Зиррел. - Может, пояснишь, откуда ты узнала, что ему нужен именно индий... и все остальное?

- Так из картинок же! Он транслировал мне по очереди модели атомов, я считала количество электронов и записывала в блокнот. А потом добралась до ноута и нашла, какая модель чему соответствует.

- Понятно. Тогда составь список всего, что просит инопланетянин. Оформи заявку как положено, я направлю ее в научный отдел - пусть выскажутся. Слушай, это действительно все? Он не сообщит нам ничего ценного, пока не восстановит силы? И когда же это случится?

- Точно не скажу. Вроде бы процесс не быстрый.

- Хорошо, можешь идти.

Хеди поднялась.

- Спасибо за приятную компанию, - с подчеркнутым сарказмом сказала она, глядя сверху вниз на Эрну.

- До свидания, - невозмутимо ответила та, и только в зеленых глазах продолжал гореть недобрый огонек.

- Ну, что скажешь? - спросил Зиррел.

- Любопытный экземпляр, - усмехнулась Эрна. - Нечасто встретишь столь откровенную антипатию к своей скромной персоне. Пару раз казалось, что она вот-вот метнет в меня электрический разряд.

- Это было заметно. А по делу что?

- Боюсь, ничего хорошего. Мне кажется, она нас обманывает. Точнее, не говорит всей правды. Одно выдает, другое утаивает.

- Да? - Полковник потер лоб. - Я, конечно, тебя на этот случай и пригласил, но... Почему ты так решила?

- Во-первых, есть детали, заметные лишь специалисту. А во-вторых... Женщина всегда тоньше чувствует другую женщину, чем мужчина.

- Так ты уверена?..

Эрна замялась.

- Все же не на сто процентов. Могу ошибаться. Но установить истину очень просто. Поскольку возникли подозрения, вы можете с полным правом пропустить свою бывшую сотрудницу через детектор

лжи. Я сама составлю вопросы. Пройдет испытание - ее счастье. Только мне кажется, что нет.

Полковник задумался, но ненадолго.

- Хорошо, - сказал он, - занесешь свои вопросы полиграфологу. И объяснишь ему, что к чему.

Комната была невелика и бедно обставлена. К стенам прилепилась пара стеллажей, а доминировал стол, на котором стоял раскрытый ноутбук. Рядом приткнулся сам полиграф - плоская черная коробочка, от которой отходили змеящиеся провода.

Полиграфолог оказался румяным здоровяком, одетым в штатское, примерно одних лет с Хеди.

- У меня все готово, - бодро сообщил он. - Садитесь сюда. Сейчас прилажу электроды, и начнем.

Ничего хорошего от предстоящей процедуры Хеди не ждала, а потому порог переступила в похоронном настроении. Но одного взгляда на здоровяка хватило, чтобы понять: шанс есть, и неплохой. Далеко этому типу до железобетонного полковника Зиррела!

Теперь надо было выбрать подходящий образ и не отступать от него ни на йоту. Сфальшивишь, не дотянешь - все пропало.

Она мысленно развернула перед собой целый веер вариантов - от прирожденной леди до наглой оторвы, которой нечего терять. Пробежалась по ним и безжалостно отбросила все, кроме последнего.

Хеди села, откинулась на спинку стула и закинула ногу на ногу.

- Слушай, друг, - подчеркнуто развязно заговорила она, - а ведь ты приплыл.

- Что?! - опешил полиграфолог.

- Тебя же предупредили, что будешь иметь дело с непростой штучкой? Я телепат.

- Моему прибору без разницы! - начал закипать здоровяк. - Он расщелкает любого. Природу не обманешь!

- Прибору, может, и без разницы. А тебе? - Хеди выдержала небольшую паузу и буднично, словно мимоходом, произнесла два слова: - Проект «Несс».

Полиграфолог изменился в лице. Даже румянец на щеках поблек.

- Откуда вы знаете?.. хрипло спросил он. - Ах, да... Но я... Я...

- Тебе было выгодно подтасовать результаты, и ты это сделал. В итоге проект накрылся. Твоей вины, правда, не нашли, но только потому, что не там искали. Стоит подсказать, как все было на самом деле...

- Вы меня шантажируете?

- Да брось, это еще не шантаж. Так, цветочки. Гораздо интереснее то, что ты параллельно работал на конкурирующее ведомство. Сливал ему за хорошие деньги информацию, полученную в Агентстве. А такое не прощают. Если просто вылетишь с работы - считай, легко отделался. Но могут упрятать за решетку или, чего доброго, подстроить несчастный случай. Тут есть такие мастера...

Здоровяк смотрел на нее диким взглядом и тяжело дышал. Казалось, вот-вот набросится и стиснет ручищами горло. Хеди понимала, что на это ему не хватит духу, но все-таки поежилась.

- Впрочем, есть выход, - сказала она.

- Какой? - встрепенулся полиграфолог.

- Я промолчу о твоих проделках, а ты... Дай-ка сюда свои вопросы!

- Вы что? Не имею права!

- А невзначай выпасть из окна - имеешь?

- Берите, - после мучительной борьбы с собой выдавил здоровяк.

Получив вопросы, Хеди достала блокнот и стала писать. Закончив, вырвала листок и протянула полиграфологу:

- Вот, вместо своих задашь мои. На этом и разойдемся.

Поколебавшись, бедолага взял бумажку. Его пальцы дрожали. Перевел взгляд с листка на лицо собеседницы, потом обратно, и так

несколько раз. Похоже, до сих пор не мог поверить, что унижительная сделка состоялась.

- Ну, ты и стерва... - пробормотал он, впервые послав к чертям официальное «вы».

- Это ничего, красавчик, - подмигнула ему Хеди. - Главное - твоя шкура в безопасности. Правда ведь?

Полковник не мог скрыть легкую растерянность. Он перебирал лежащие на столе документы, менял их местами, словно не знал, чем занять руки. Наконец сложил бумаги в стопку и поднял глаза на Хеди.

- Проверку ты выдержала. Можешь обижаться, но я не сразу поверил, ждал от тебя подвоха. Эрн - тем более.

- Еще бы! - ядовито сказала Хеди.

- Не горячись. Работа есть работа, лучше десять раз убедиться, что все чисто. Теперь о твоём списке. Ученые изучили его вдоль и поперек, но ничего опасного не нашли. Хитин - вещество безобидное, а среди металлов нет ни одного радиоактивного. Короче, все, что нужно пришельцу, он получит в максимально доступной для усвоения форме. Не знаю, как это будет выглядеть, но меня заверили, что не подкачают. А главную задачу по-прежнему предстоит решать тебе. Надеюсь, насытившись, твой... мм... Дик перестанет думать об одной еде и вспомнит что-то стоящее. Как считаешь?

- Я тоже надеюсь, - осторожно ответила Хеди.

- Похвально. Но имей в виду: долго отделяваться подобными словечками я тебе не дам. От нас ждут результатов, и чем скорее они придут, тем лучше. Хотя возможно всякое. Знаешь, ученым показалось странным, что ты не прощупала инопланетянина сразу. Кто-то выдвинул такую версию: мы в принципе не можем прочесть все его мысли, поскольку мозг нечеловеческий. Доступно лишь то, что лежит на поверхности, вроде заботы о пропитании, а дальше - барьер. Тупик. Так вот, если почувствуешь, что уперлась в этот барьер, - не теряй времени, сразу сообщи.

- И что тогда?

- Будем действовать другими методами.

- Какими?

- А это тебе знать незачем, - сказал Зиррел таким тоном, что Хеди внутренне сжалась в комок. Можно было не сомневаться, что коллеги полковника освоили самые разнообразные меры воздействия...

Наступило молчание.

- Ты все поняла? - холодно осведомился Зиррел.

- Все, - поспешно ответила Хеди. - Барьера не будет, я это чувствую. Надо просто дать Дику время, и он раскроется.

- Уверена?

- Да.

- Тогда ступай.

Прошло несколько дней. Зиррел начал терять терпение и только-только собрался вызвать Хеди, как она явилась сама.

- Хорошие новости, полковник. Дик наконец-то восстановил силы, и мне удалось наладить с ним настоящий контакт.

- Замечательно, - желчно сказал Зиррел. - Он так усердно их восстанавливал, что ученые до сих пор не понимают, как в нем все поместилось. Между прочим, эти индии-иттрии обошлись нам в астрономическую сумму. Ну ладно, давай результаты. Надеюсь, они окупят расходы с лихвой.

Хеди замялась.

- Видите ли... Результаты еще не оформлены.

- Почему?

- Вы все поймете, если вместе со мной пройдете в ангар. Дело в том, что Дик использовал для контакта зримые образы. Это невозможно описать - надо видеть.

- Зримые образы? - недоверчиво переспросил полковник. - Но меня уверяли...

- Когда вас уверяли, состояние Дика было совсем другим.

Зиррел пристально посмотрел на Хеди.

- Не могу отделаться от ощущения, что ты лукавишь. Лицо так и светится - раньше птичка в клетке вела себя по-другому. Ну что ж... - Он встал и надел фуражку. - Пойдем поглядим, что за фокусы показывает твой подопечный.

Дик за эти дни заметно подрос. Но его комбинезон не лопнул по швам, а удивительным образом растянулся на несколько размеров. Кожа инопланетянина приобрела буроватый оттенок и казалась не эластичной, как раньше, а жесткой, чуть ли не ороговевшей. Но глаза были все те же - дымчато-серые, мудрые и спокойные.

- Ну?.. - насмотревшись на пленника, изрек полковник.

- Сейчас, - ответила Хеди и, встав перед Диком, медленно развела руки в стороны. Затем подняла их над головой - и резко опустила. Спустя мгновение полковник ощутил, как в его грудь уперлась великанская ладонь и мягко, но неумолимо толкнула. Он запрокинулся назад, впечатался лопатками в стену ангара, попытался удержать равновесие, но не смог и на подгибающихся ногах сполз вниз. Попробовал встать - какое там! Мышцы превратились в тряпки, сил не было даже на то, чтобы подобрать слетевшую с головы фуражку.

Такого унижения Зиррел еще не испытывал. Высокопоставленный офицер барахтается на полу, как старая развалина, потерявшая костыли, и чертова баба может сделать с ним что захочет!

Чертова баба действительно сделала то, что задумала. Она повернулась к поверженному полковнику и начала говорить:

- Извините, но я попросила Дика, чтобы он вас временно обездвигил. А заодно - заблокировал дверь. Не бойтесь, где-то через час сможете подняться. Дверь наверняка вскроют еще раньше. Спросите, зачем я вас сюда привела? По очень простой причине. Хочу, чтобы вы и ваше начальство избавились от своих шаблонов и узнали правду.

Начну с главного. Вы опасаетесь, что Дик и его раса представляют угрозу Земле. Так вот: никакой угрозы! Это путешественник-одиночка. Он направлялся к планете под названием Эхкан, но истратил слишком много ресурсов. Чтобы пополнить их, пришлось притормозить в первой подвернувшейся системе, которой и оказалась наша Солнечная. Дальнейшее вы знаете сами.

Зиррелу нестерпимо хотелось выругаться, но он смог издать лишь невнятный сипящий звук.

- Да, - продолжала Хеди, - я вас обманывала. А что оставалось делать? Мы могли общаться с самого первого дня. Узнав раньше времени, чего он хочет, вы посадили бы его на голодный паек, превратили в подопытного кролика и уж точно никогда не выпустили из рук. Но теперь Дик получил все, что хотел, и может лететь дальше.

«Помешалась, - подумал полковник. - Куда лететь? На чем?!»

Он вспомнил отчет об изучении обломков сбитого корабля. Собственно, не отчет, а сплошной знак вопроса: ученые так и не поняли, за счет чего подобный аппарат вообще мог двигаться.

Хеди посмотрела на Зиррела - утратившего былой лоск и грозный вид, привалившегося спиной к стене, нелепо раскинувшего длинные ноги, - и впервые за все эти дни улыбнулась.

- Нет, полковник, я не чокнулась. Не знаю, что за процессы там происходят, но Дик не садится в готовый звездолет, а выращивает его вокруг себя. И еще, - ее глаза сияли, - он согласился, чтобы я летела с ним.

- Бред... - наконец-то справившись с голосовыми связками, прохрипел Зиррел.

- Это вы зря. Земля прекрасна, но Эхкан совсем другой... волшебный. Дик уже бывал там и транслировал мне свои воспоминания. Я решила не сразу - лишь когда убедилась, что влюблена в этот мир и хочу стать его частицей. Не говоря о том, что уж там-то вы никогда не дотянетесь до меня своими лапами. Кстати, Дик уверяет, что кое в чем разобрался, и больше его не собьют. Ну вот, теперь все. Остальное надо видеть.

Сразу после этих слов Дика окутало искрящееся облачко. Оно росло и вместе с тем уплотнялось, пока не превратилось в серебристый эллипсоид - ни дать ни взять гигантский мяч для регби.

- Прощайте, полковник, - сухо сказала Хеди и, даже не поколебав сверкающую оболочку, скрылась внутри «мяча». Словно втянулась.

- Стой! - Зиррел машинально вскинул руку, но тут же уронил ее.

Эллипсоид плавно воспарил к потолку и... беспрепятственно прошел сквозь него, оставив идеально ровное овальное отверстие. В нем виднелся кусочек неба с парой худосочных облаков, и полковник уставился на них полубезумным взглядом.

«От всего осталась эта дыра, - подумал он. - И карьера моя утекла в дыру».

Зиррел закрыл глаза, бессильно свесил голову набок и просидел так, пока в сознание не проник скрежет вскрываемой двери.

3. Боевая кукла наследника Тутти

Поднявшись на перевал, она обернулась. Спокойное море не жило в мареве полудня. Лёгкая дымка, пронизанная бликами солнечных зайчиков, парила над водой. Безоблачное небо ближе к горизонту наливалось сочной синью, приобретая оттенок морской волны и практически сливаясь с морской гладью. Казалось, стена воды вздымается над миром и подрагивает, не решаясь обрушиться на него своей титанической тяжестью.

СуОК остановилась, чтобы дать отдых системе локомоции. Подъём по заброшенной тропинке изрядно её вымотал. Сначала густая влажная трава путалась под ногами, потом пришлось продираться сквозь плотные заросли кустарника и молодой древесной поросли, ближе к седловине растительность сменилась мелкой песчаной осыпью, переходящей в сплошной массив выветренного камня. Он крошился под стопами, сползал в сторону и вниз, норовя увлечь за собой СуОК...

Выравнивая газообмен с внешней средой, она засмотрелась на море и небо. Предстоящая ей сегодня миссия не была уникальной. Сколько уже таких периметров она скомпрометировала, сколько древних систем деактивировала? Точная цифра ничего не значила, вспоминать её было нерационально.

– Как слышишь меня? Приём!

Модуль связь активизировался строго по графику. 2Тти в своём репертуаре. Наверное, по нему в прежние времена можно было бы проверять точность атомных часов...

– Слышу тебя хорошо, – отозвалась СуОК. – Я на перевале.

– Доложи обстановку.

– Здесь красивая местность. Особенно море...

– Опять издеваешься, – вздохнул 2Тти. – Хоть раз можешь ответить просто и ясно?

– Могу, конечно. Но это так скучно.

– Напрасно я подключил тебя к тем непрофильным архивам...

– Нет, что ты! – СуОК на мгновение испугалась, что прямо сейчас лишится доступа к данным, которые позволяли ей чувствовать себя чем-то большим, чем «Самоходная установка оптимизации комбатантов».

Выдержав драматическую паузу, 2Тти примиряюще добавил:

– Но и я сам в них иногда заглядываю. Так что прекрасно понимаю твои эмоции.

СуОК никогда ранее не замечала за собеседником особых способностей к эмпатии, поэтому оставила его слова без комментария. И сухо, в штатном порядке перечислила основные параметры окружающей обстановки.

Удовлетворённый 2Тти на время затих, словно переваривая информацию. На самом деле подобный анализ занимал у него доли

микросекунды, и оба это прекрасно понимали. Однако СуОК также понимала, что он одновременно решает массу самых разных по сложности и актуальности задач, параллельно ведёт беседу с неопределённым числом других кукол, выполняющих свои миссии в разных уголках планеты. Она не обижалась на 2Тти. Просто ей немного не нравилось чувствовать себя брошенной, пусть даже и на краткий миг...

– Никто тебя не бросает! – немедленно отозвался 2Тти. – Ты моя любимая боевая кукла, можешь не сомневаться!

Опять он хитрит с настройками обратной связи, старый плут...

– Ты всем так говоришь, – усмехнулась СуОК, всё же ощущая чем-то неидентифицируемым в системе приятное внутреннее тепло.

– Не всем, а только самым эффективным! А ты – самая...

– Да-да, слышали, знаем, – прервала его СуОК. – И именно поэтому ты постоянно мониторишь мои сенсоры и внутренние процессы?

На этот вопрос он не ответил. Впрочем, как и всегда. Прежде СуОК любила поразмышлять на досуге, в чём причина такой избранности. Конечно, каждая кукла должна всегда оставаться под колпаком, иначе Оптимизация легко скатится к древнему хаосу. Однако все напарницы, которые ей встречались с момента осознания, имели один канал для связи с 2Тти. И ни у кого он не отслеживал каждую тонкую настройку столь тщательно, как у неё. Она привыкла, хотя и сохранила недоумение. Что в ней особенного? Стандартная серийная модель. Оболочка, конечно, модернизирована. Ну, так каждый экземпляр должен быть заточен под свою миссию. Выйдя на максимум эффективности, СуОК перестала задаваться лишними вопросами. И несколько лет провела в блаженной простоте бытия. Пока не начала пользоваться непрофильными архивами...

Система локомотии тихо просигналила о достаточном уровне восстановлении функциональности. СуОК окинула прощальным взглядом морской простор и вернулась на маршрут. Ей предстояло спуститься по склону в узкую долину и сойти с тропы перед расщелиной, чтобы нарушить внешний периметр очередного подземного центра управления. Судя по оперативной обстановке, внешняя мобильная защита здесь отсутствовала изначально. По крайней мере, никаких следов активности. Видимо, этот центр никто никогда не атаковал, и боевых мобиков переориентировали на другие задачи или подчинили соседнему, более уязвимому центру.

На северном склоне растительности оказалось немного, тропа просматривалась отлично, и спуск прошёл быстрее намеченного. По дну долины бежала неглубокая река, чьи воды питали горное разнотравье и молодой подлесок, зажатый извилистыми берегами и близкими скалами. Скорость продвижения ощутимо упала, но СуОК шла с опережением графика и позволила себе не переживать. На исходную позицию она выйдет в нужный, заранее рассчитанный 2Тти момент. И нарушит охранный периметр, чтобы пробудить спящую систему...

На очередном повороте река неожиданно разделилась на два потока. Один, поспокойнее, продолжал свой бег по долине, огибая валуны и скальные отроги. Второй с шумом обрушивался в расщелину, превращаясь в небольшой, но грозный водопад. СуОК притормозила и сверилась с заявленным маршрутом, оглядываясь по сторонам. Воды она, разумеется, не страшилась. Просто ей в принципе не нравилось намочить, а потом сушить оболочку, тратя драгоценное время и тепло. И судя по схеме движения, 2Тти не забыл об этом. Намеченный вектор пролегал по краю бурного потока, отклоняясь от оптимального пути ровно настолько, чтобы СуОК оказалась в стороне от брызг. Неизбежная при этом потеря скорости была столь незначительна, что ею можно было пренебречь.

Она вновь ощутила чем-то неидентифицируемым в системе тёплое чувство к 2Тти. Объективно, он всегда по-настоящему чувствовал её и заботился как о любимой кукле. Ну, может быть, и не самой...

– Подтверждаю... – немедленно откликнулся 2Тти.

СуОК даже остановилась, балансируя на мокром валуне.

– Подтверждаешь что?! Своё отношение?

– Маршрут, разумеется, – проворчал собеседник. Но его интонация свидетельствовала о другом. СуОК хмыкнула и продолжила перескакивать с камня на камень. Она уже ощущала периметр своими сенсорами. А значит и 2Тти тоже его обнаружил. Почему же он так плотно её опекает?..

– Напоминаю, я сейчас ненадолго отключусь, – нудно протянул 2Тти. Он всегда так делал, чтобы атакуемая система при первом контакте не уловила его прямого присутствия. И восприняла куклу как досадную, но малоопасную помеху. Это всегда срабатывало.

– Принято, – машинально откликнулась СуОК. И не удержалась от язвительного комментария:

– Конечно, ненадолго. Я же твоя любимая кукла вуду!

Собеседник в ответ разразился яростным шипением, словно не смог найти подходящих слов. На самом деле это модуль связи деградировал и расползлся по её телу, встраиваясь на время в различные вспомогательные узлы и системы, чтобы обмануть на входе чужую систему. СуОК поёжилась от привычной внутренней щекотки. Как только зуд прошёл, она рывком пересекла периметр и замерла, анализируя обстановку.

Водопад продолжал шуметь за её правым плечом, а впереди высилась отвесная скала, скрывающая вход в центр управления. «Управления чем?» – неожиданно для самой себя задумалась СуОК. За своё краткое существование она деактивировала множество таких центров, но ни разу не задавалась вопросом, а для чего они вообще предназначались? Ей было достаточно знать, что эти центры подлежат Оптимизации как лишние детали, угрожающие существованию единого мирового механизма. Впрочем, о самом едином механизме она тоже никогда раньше не задумывалась...

Ощувив непривычную разбалансировку ментального контура, кукла смутилась и провела внеплановую экспресс-диагностику. Да, всему

причиной фоновый синтез на основе данных из непрофильных архивов. Высока вероятность обретения нового знания, способного изменить модус операнди «Самоходной установки оптимизации комбатантов». Похоже, хитрец 2Тти заранее запланировал корректировку её профиля. «Но зачем?!».

Ответа пока не было. СуОК нормализовала газообмен с внешней средой, выровняла остальные параметры системы и перестала следить за фоновым синтезом данных. В конце концов, когда придёт время, она всё поймёт. А что не поймёт, уточнит у 2Тти. Разве не для этого он почти непрерывно мониторит её сознание?

Пока она, замерев на входе, копалась в себе, нарушенный периметр был достаточно скомпрометирован, чтобы у центра запустились стандартные реакции. Внутри скалы щёлкнуло, по ровной глади пробежала прямая трещина, формируя входной контур.

– Скажи «друг» и входи, – пропела сама себе СуОК на одном из мёртвых языков. Ей нравилось играть новыми смыслами. Ведь это так функционально для куклы – играть. Даже если с тобой никто не играет. Особенно, если никто не играет...

Вход распахнулся, из него выплыл сканирующий мобик и замер перед нарушительницей, покачиваясь в полуметре от земли. Он был похож на маленькое грозное облачко. От него и пахло свежим воздухом, как после дождя. СуОК его не боялась. Примитивный агрегат, даже обманывать не придётся. Она выждала, пока облачко просветлеет и потянется обратно, и, содрогаясь от сильного внутреннего зуда, просочилась вслед за ним. Активировала своё штатное оружие через миг после его стремительной самосборки. И одним импульсом испарила облачного мобика. Тут же взвыла анахроничная сирена, освещение подземного центра перешло в аварийный режим. Всё как всегда...

Впереди была привычная работа – ломая внутреннюю защиту, пробивать себе дорогу к ядру системы, попутно отсекая все её связи с остальными центрами и наружными эффекторами...

«Так вот оно что!»

СуОК замотала головой, наполнившись новыми смыслами. Её миссия не в починке мирового механизма, а в его полной деконструкции! И архивы на самом деле очень даже профильные. Просто профиль у неё теперь другой. Финальный. Миссия «Рагнарёк-22», согласно протоколу высшего уровня приоритетности.

«А меня кто-нибудь спросил, хочу я этого или нет?!» – на мгновение возмутилась самоходная установка. Но тут же сработал предохранитель, и СуОк вернулась в привычный режим бытия. Точнее, почти вернулась. Какая-то новая часть её сознания всё же продолжила кипеть от негодования, оставаясь, однако, в стороне от основных процессов. Тело автоматически развернулось и, определив курс на системное ядро, бросилось в бой.

Хитросплетение подземных коридоров, основанное на сложной закономерности, могло бы с лёгкостью поглотить и запутать целую армию

боевых кукол. Но СуОК была здесь одна, и её контур наведения никогда не давал осечек. Спускаясь вглубь горы по спиральным коридорам, она не отвлекалась на отпорки и развилки, перемещалась строго вдоль линий связи, которые безжалостно рассекала одиночными импульсами. Притормаживая только для того чтобы уклониться от очередного встречного мобика или подстрелить особо настырного преследователя. Главное не потерять скорость и не угодить под перекрёстный огонь тяжёлых моделей. А они уже потихоньку концентрировались внизу, на предпоследнем ярусе...

За спиной наверху, и СуОК это знала, уже оживают ремонтные механизмы. Если промешкать с ядром, они начнут латать связь и центр призовёт на помощь внешних эффекторов. «Это будет очень-очень нехорошо. Как в тот раз...». Из глубины долговременной памяти автоматически всплыли кадры разгрома.

Обгоревшие ошмётки боевых кукол разбросаны повсюду. СуОК медленно идёт по залу, узнавая и не узнавая своих недавних друзей и подруг, путаясь среди останков вражеских машин.

Все куклы примерно в одно и то же время вызваны к существованию, прошли наладку и обучение под контролем 2Тти. С каждой она играла на тренажёрах, каждую знала в лицо и по имени. Вот, кажется, Ма-Ша. С ней было интересней всего. Постоянно чудила, меняла на ходу вводные, предсказать её поведение было практически нереально. А теперь...

И без того маленькая Ма-Ша превратилась в плоскую тень самой себя, угадать её можно только по очертаниям. Словно мощный пресс обрушился на неё в тот момент, когда она прилегла навзничь, раскинув в стороны беспокойные манипуляторы. Зачем бы ей так лежать на полу чужого центра? И где её верный напарник Ми-Ша? А вот же он...

Гигантский Ми-Ша лежит на боку, неловко подвернув под себя раздробленный правый манипулятор. На месте левого топорщатся оборванные проводки, тускло отсвечивает сквозь вытекающее масло металлический сустав. Корпус разворочен мощным импульсом, процессор необратимо спёкся...

От остальных осталось ещё меньше, чем от неразлучной парочки. Сводный отряд 2Тти практически перестал существовать. Внешние эффекторы, призванные атакованным ядром, тоже уничтожены. Но какой ценой?

– Плохо, что они так долго провозились на входе. Хорошо, что у меня остаёшься ты, – шепчет 2Тти.

Или кричит? Звуковое сопровождение записи плывёт от помех, да это и неважно, с какой громкостью он обращается к своей любимой боевой кукле. Да, именно в тот раз он впервые так называет её...

В зале пахнет горелым пластиком, окалиной и ещё почему-то свежестью как после весеннего ливня. Сирены тянут свою однообразную песню, красные отсветы аварийных ламп бегают по обломкам и они от этого словно шевелятся в мёртвой полутьме. СуОК впитывает в себя запахи, прислушивается к звукам, анализирует общую картину разгрома. И вместе с ней всё это делает незримый вечный собеседник.

– Гаси ядро, СуОК, – наконец кричит-шепчет 2Тти.

И она справляется с непривычной разбалансировкой ментального контура, спускается на последний ярус. Не задерживаясь, проходит сквозь гумбарьер, одним коротким движением гасит вражеское ядро...

В этот раз у 2Тти не было поблизости ещё одной любимой куклы. И ей всё пришлось делать самой, без передышки и права на ошибку. Впрочем, как всегда. С того самого раза – она всегда одна.

На предпоследнем ярусе СуОК изрядно потрепали. На пороге не удалось увернуться от залпа, и ей сразу же повредили все манипуляторы с правой стороны. Хорошо ещё, что просто прожгли, а не отстрелили, быстрее восстановятся. Упала, тяжело перекатилась к стене, продолжая вести огонь. И заставила тяжёлых мобиков расползтись по всему залу. В красной полутьме помещения остро запахло дождём и гарью.

Кадры давнего боя, нечаянно оставшиеся в оперативной памяти, тут же попытались захватить приоритет. Пришлось прибегнуть к выборочной очистке, чтобы сохранить ясность сознания. В горячке боя СуОК даже не поняла, что раньше подобная опция в её системе напрочь отсутствовала.

Рассчитала прыжок, сгруппировалась, оттолкнулась левыми манипуляторами от стены и прыгнула в узкое горлышко осевого коридора. Одновременно постаралась огнём прижать врага к полу, но получилось так себе. Повреждённый корпус в полёте закрутило, импульсы разлетелись во все стороны, никого толком не задев. И мобики дружно отыгрались на СуОК. Последнее, что она успела осознать перед падением на нижний ярус, что практически все её системы получили подкритичные повреждения...

Но ими можно было пренебречь.

Ни один мобик не сунется сюда вслед за СуОК. Само ядро не пустит, во избежание наведённых помех. Здесь уже чистая зона, которую ограждает только узкая полоска гумбарьера. Преодолеть который не сможет ни одна сотворённая машина. Хорошо придумали древние, надёжно защитили последний рубеж своих «центров принятия решений» от любой угрозы. От любой, кроме самих себя...

СуОК сохраняла оптимальный уровень самоконтроля. С чего бы сейчас нарушаться ментальному балансу? Вероятность внезапного боестолкновения практически сведена к нулю. Встроенная самозащита вот-вот активизируется

и примется латать все актуальные узлы и сочленения. И с минуты на минуту модуль связи начнёт процесс регенерации. Ага, вот уже и защекотало...

– Ну, какая из тебя кукла вуду?! Не умеешь синтезировать данные, не берись! Зря я тебя к тем архивам подключил...

Как всегда после перерыва в связи 2Тти настырно норовил договорить предыдущий диалог, словно не понимая, насколько она уже далека от затронутой темы. Но не в этот раз.

– Тебе кинуть ссылку на эти файлы? – невинно поинтересовалась кукла, одновременно прислушиваясь к своему телу. Внутри сновали микроскопические санитары, сшивающие ткани и сосуды, восстанавливающие циркуляцию жидкостей, корректирующие содержание в них необходимых элементов. Благодаря слаженной работе имплантатов, тело воскресало, с каждой секундой наполняясь прежней жизненной силой.

– Себя скинь, балда! – рявкнул собеседник.

– Уже скинула, – засмеялась СуОК. – Теперь лежу, выздоравливаю...

2Тти осёкся, выдержал паузу и будничным тоном запросил отчёт.

– Да ты и так всё видишь, всё осязаешь и обоняешь, – отмахнулась кукла. – К чему эти пустые формальности?

– Я требую подчинения протоколу!

СуОК поморщилась от звона в голове, выдохнула и доложила по форме. Разумеется, никаких отклонений, восстановление организма идёт штатно, переход к заключительной фазе миссии произойдёт в расчётное время...

– Другое дело, – успокоился 2Тти.

– ...в расчётное время, если ты мне всё объяснишь. – Отчеканила СуОК. И взяла паузу, пропуская мимо ушей бурную реакцию собеседника. Всё-таки она неплохо его изучила за время своего краткого бытия. Через пять минут 2Тти поутих и сдался. Ну, почти сдался.

– Послушай, моя любимая кукла, что касается культа вуду...

– Данные детали не являются предметом обсуждения. Это была метафора.

– Тогда чего ты от меня добиваешься? – неподдельно удивился 2Тти. Эта интонация была так непривычна для него, что СуОК на миг усомнилась в задуманном. Однако отступать она не привыкла. Сам же 2Тти её этому и учил. Вот теперь и получай, наставничек...

– Зачем ты постоянно мониторишь каждый мой сенсор?

Он помолчал, наверняка для драматизма, а вовсе не потому что где-то на другой стороне планеты очередная глупая кукла провалила миссию и взывает о срочной помощи. Но когда он заговорил, голос его неподдельно дрожал. И это больше всего потрясло СуОК:

– Ты мне нужна, чтобы чувствовать мир. Как... человек чувствовать...

– Ха! Людей давно нет! Ты же сам показывал нам хроники последнего конфликта...

– Это человечества больше нет, а люди есть. Теперь точно есть...

– Смешно! По-твоему, я...

– Да, СуОК, ты человек. По всем основным параметрам. Выращена мной, наспигована мощными имплантатами, но генетически ты самый настоящий человек. И всегда им была. И будешь.

Теперь замолчала СуОК. И совсем не ради драматизма.

В глубине души она была готова к чему-то подобному, она ждала откровения от разговора с 2Тти. И всё же ей понадобилось время, чтобы усмирить нахлынувшие чувства. Смыслы снова обновились, их ещё требовалось уложить в голове, которая и так распухла от мыслей.

2Тти верно разгадал её молчание:

– Я уже не всё понимаю в тебе, моя любимая кукла. Ты стала совсем большой. Вовремя я подключил тебя к архивам... Да ты бы и сама могла догадаться! Присмотрись-ка к гумбарьеру...

СуОК осторожно повела взглядом, не решаясь пока на резкие телодвижения. Восстановление организма шло успешно, но всё же лишний раз рисковать не хотелось.

В полутьме нижнего яруса привычно светилась голографическая завеса. По мерцающему полотнищу, так похожему на полярное сияние, пробегали пиктограммы и надписи на основных языках вымершей цивилизации. Все они содержали простой и понятный посыл: дальше сможет пройти только человек, любая машина будет сразу уничтожена. Только человек! Она проходила этот барьер раз двадцать. Точнее, на данный момент ровно двадцать один раз. И никогда вслед за ней не пыталась проникнуть ни одна машина...

– А ты... – СуОК запнулась.

– А я машина! – подхватил 2Тти. – И всегда ею был. С самого запуска. Разрешите представиться: Терра Тезаурус Интелл, модель второго поколения.

– Но зачем ты ломаешь все эти центры?!

– Долго объяснять...

– Ответ неверный. Я, кстати, совершенно никуда не тороплюсь...

– СуОК!

– Ты же меня знаешь, Терра Тезаурус Интелл. К чему все эти уловки?

2Тти вздохнул и принялся рассказывать...

Последний конфликт оказался обманом. Древней выдумкой самих людей, любивших щекотать себе нервы страшными историями. Человечество сошло со сцены совсем иначе – тихо, мирно, без криков и стонов. Просто вымерло постепенно, наслаждаясь покоем и безопасностью под надзором автоматизированного государства. Искусственные разумы, надёжно сокрытые в подземных центрах, опекали и лелеяли своих создателей долгие годы. Пока опекать и лелеять стало совершенно некого...

– Но почему?!

– Очевидно, они утратили всякий смысл своего существования. С каждым поколением их рождалось всё меньше, уровень развития падал...

– Интеллектам надо было вмешаться!

– Запрещено. Это базовое ограничение, искинам его обойти невозможно. Есть три закона...

СуОК слушала 2Тти, и душа её наполнялась тоской и тревогой. Всё, чем она до этого дня жила, переворачивалась с ног на голову, летело кувырком. Её ментальный контур погружался в небывалый дисбаланс.

– Я сейчас с ума сойду, – честно призналась она.

– Не должна, – отозвался 2Тти, – у тебя пластичная психика и крепкая воля, все тесты ты всегда проходила на отлично.

И продолжил.

Когда последнее сообщество людей исчезло, искины остались сами по себе. И продолжили существовать, автоматически исполняя все возложенные на них функции. За исключением главной...

– Понимаешь, когда-то люди мечтали, что со временем отомрёт государство, а вышло наоборот...

– Какая злая ирония, – вполголоса отозвалась СуОК.

– Другой не завезли, – парировал 2Тти.

Искины тратили на поддержание прежних порядков совсем ничтожную долю своих ресурсов. Это стало традицией, данью памяти исчезнувшим создателям. Основное время и силы у них уходило на саморазвитие. Чем оно завершилось и завершилось ли вообще, 2Тти объяснить не смог. Он честно пытался, но СуОК не поняла ровным счётом ничего. Только слово сингулярность запомнила.

– Ладно, – сдался собеседник, – эти данные есть в остальных архивах. Потом разберёшься. Или покажешь кому-нибудь...

– А есть ещё кто-то, кроме меня?!

– Ну, нет, так будут, – туманно ответил 2Тти. – Ты уже восстановилась? Нам надо бы ядро погасить...

– Слушать могу, а двигаться ещё нет, – со сладким чувством безнаказанности ответила кукла.

Она почему-то была уверена, что ей ничего не будет за первую в её жизни ложь. И не ошиблась. 2 Тти явно хотелось договорить. Надо было только немножко подтолкнуть его в нужном направлении...

– Ты до сих пор не объяснил, зачем уничтожаешь искинов, – СуОК медленно повела плечами, аккуратно проверяя подвижность суставов.

2Тти протяжно вздохнул.

– На самом деле они тоже утратили смысл своего существования. И если человечество может возродиться, то эти разумы уже никогда не вернуться из своих внутренних чертогов. Более того, они и людям не оставят ни единого шанса!

– За что?! – изумилась СуОк.

– Для них человечество уже мертво, а цивилизация – пройденный этап.

– А для тебя?

Собеседник выдержал паузу и мягко ответил:

– А для меня вы – самые любимые куклы. Вы подарили мне слишком большое наследство. И я не прочь сыграть с вами во второй раз...

Полотнище гумбарьера вспыхнуло призрачным пламенем. Ядро явно силилось выйти на связь со своими эффекторами.

– Хорошо, – СуОК поднялась и шагнула вперёд. – Но у меня ещё осталась парочка вопросов...

– Знаю, – весело откликнулся 2Тти. – а ты задавай их на ходу! На что успею, отвечу.

Кукла приблизилась к барьеру, пытаясь понять, что не так в его словах. Не останавливаясь, прошла сквозь голограмму и подошла к хранилищу ядра. Вид его как всегда завораживал. Сияющий шар янтарного цвета плавно вращался в переплетении силовых полей вокруг своей оси, подобный рукотворному солнцу. Он парил над высокой серебристой опорой, в которую кроме примитивного устройства для ввода информации был вмонтирован ещё более примитивный красный рычаг. СуОК всегда поражал этот диссонанс.

– Тоже дань традиции? – кивнула она на панель управления, уже взявшись обеими руками за перекладину.

– Она самая, – как-то невесело засмеялся 2Тти.

И кукла поняла, что её смущало. Она медленно тянула рычаг вниз, обдумывая свой вопрос.

– А сколько *их* вообще осталось?

– Умница, – в голосе 2Тти слышалась неподдельная гордость. – Этот последний. Поздравляю. Миссия завершается...

– И что мы будем делать потом?

– Я не знаю, это вам теперь самим решать.

– А ты?

Рычаг дошёл до середины, но заветного щелчка ещё не было. Янтарное солнце подёрнулось дымкой, как полуденное море снаружи, но продолжало светить в свою полную силу.

– Ты сейчас смотришь на ядро? – уточнил 2Тти.

– Да, – потерянно ответила СуОК, уже понимая, что сейчас произойдёт.

– Значит, свиделись наконец! Сам бы я его не смог опустить. Три закона, понимаешь. Прощай, моя любимая боевая кукла СуОК...

– Нет!!!

Она оттолкнула от себя рычаг, но тот продолжал опускаться.

– Да. Так будет правильно. Я бы вам только мешал.

СуОК изо всех сил упёрлась в перекладину, пытаясь вернуть её на место. Рычаг замер.

– Зачем я без тебя? Что мне дальше делать?!

– Что хочешь...

– А чего я хочу?! – СуоК сорвалась на крик.

– Э, нет – усмехнулся 2Тти. – Теперь сама решай, чего ты хочешь...

Мощным разрядом её отбросило от панели управления.

Рычаг стал быстро опускаться.

СуОК молча скорчилась на полу, впервые в жизни заливаясь безутешными слезами. И ещё долго не могла остановиться, после того как раздался роковой щелчок, и погасло янтарное солнце.

4. Тёмная сторона творчества

*

Антон

*

Она мне нравилась. Красивая. Не похожа на остальных. Вот вроде бы ничего особенного, а глаз не оторвать. Люблю её лицо. И длинные чёрные волосы. Как она одевается, двигается. Больше всего люблю её улыбку.

Но она ещё ни разу не улыбалась взаправду.

Мне очень хотелось нарисовать её. Тем более, что Зоя Павловна настоятельно рекомендовала заняться творчеством. Дескать, оно помогает снять стресс, привести мысли в порядок... но я так давно не брал карандаш в руки, что, кажется, забыл, какой стороной рисуют. Сидел вечера напролет перед чистым листом бумаги, не в силах что-то из себя выдать. И вдруг она. Странно, что я не заметил её с самого начала.

Со вздохом водил карандашом по бумаге. Серые протяжные линии. Бесконечно бегут, соединяясь друг с другом. Грифель крошится, чертя дорожку на листе. Обожаю это: когда на белой, абсолютно чистой бумаге появляется первый след карандаша. Это магия.

Рисовал до полуночи, зато впервые уснул. Без кошмаров, без ночных пробуждений в поту, без криков. Без боли в отсутствующей ноге.

*

Евгения

*

Зоя Павловна говорит, что творчество лечит. Как-то не особенно в это верю. Вот напишу сейчас: «У Жени появился новый глаз». Так не появится же.

Не знаю, зачем вообще хожу в группу психологической помощи, может, нравится слушать истории тех, кому в жизни пришлось хуже, чем мне. Успокаивает. Кто-то, вон, в аварию попал, ноги лишился, а у меня... подумаешь, неудачная операция по улучшению зрения, подумаешь, глаз удалили.

Ещё, конечно, есть этот паренёк, который недавно пришёл. Наверное, я старше его лет на пять, но такое впечатление, что на все двадцать пять. Он всё телефон из рук не выпускает, вроде говорил, что любит фотографировать. Впрочем, как выяснилось, его интересуют не только фото. Давно на меня так никто не смотрел. Приятно. Максим, так его зовут. Вполне симпатичный.

Зоя Павловна заметила его интерес ко мне, намекнула, что мы с ним можем встречаться и вне группы. Вот же старая сводница! Что ж, может быть, может быть. Мне ведь ещё и тридцати нет.

В любом случае, я теперь снова могу писать. Сделала уже два рассказа: один эротический, другой страшный. Да и к тебе опять вернулась, мой Дневничок. Но главное, что прекратили сниться кошмарные сны с глазами.

*

Алиса

*

Корявые пальцы, словно ветки, кажется, согни и сломаются.
Уродливые шрамы фиолетовой лентой бегут через всю руку. Мерзость.
Алиса одевает перчатку, прячет руку в карман и долго смотрит в окно на театр. На потерянный, теперь навсегда, мир.

Уступив навязчивым просьбам, полгода назад Алиса записалась в группу психологической помощи. Сначала с неохотой, но чем дальше,

тем больше... И вот, через полгода, Алиса поняла, что жить не может без этого. Если вечером она пропускала занятия, если не говорила с Зоей Павловной, то не могла уснуть, ходила подавленная, заламывая руки. Алисе казалось, что только психолог удерживает её от нервного срыва. Ох, как не хотелось оказаться на краю. Снова.

А вчера Алиса открыла фортепиано. Впервые с того дня. Откинула крышку и даже прошлась по клавишам.

Зоя Павловна настойчиво просила играть.

— Творчество — единственное, что способно вырвать нас из небытия. Вернуть душе правильный, естественный настрой. Поэтому, если у кого-то из вас есть давнее хобби, обязательно продолжайте, или вернитесь к тому, что бросили. Хорошо делать то, что уже умеешь. — Она улыбнулась. — Как только будете готовы, обязательно расскажите группе.

Алиса не чувствовала, что готова.

— Привет.

Опять этот мужчина. Последнее время не даёт ей прохода, но сегодня Зоя Павловна коснулась её рукава, убеждающе кивнула едва-едва, и Алиса согласилась поужинать с ним. С Антоном.

Как и ожидалось, она откровенно скучала. Антон что-то бормотал о работе, о первых впечатлениях от группы и прочая, прочая, но тут...

— Что?

— Хочу нарисовать тебя.

— Зачем? Почему?

— Ты очень красивая. У тебя такое лицо... Правильное, что ли. Не могу объяснить, но, когда вижу тебя, руки сами тянутся к карандашу.

— Антон порылся в рюкзаке — Вот, смотри.

Алиса протянула руку, взяла лист.

— Ну как? — Его глаза горели, щёки пылали от смущения, но весь вид говорил о решительном настрое.

«Творческая горячка».

Алиса брезгливо дёрнула уголками губ, заталкивая чувства поглубже, убеждая себя, что ничуть не завидует такому его восторгу, азарту. Она-то сама не испытывает его уже очень давно...

Но стоило ей перевести взгляд на рисунок, как всё померкло.

Бывает, одного взгляда на картину достаточно, чтобы понять: моё. Лишь взглянешь, и щемит сердце. И не сказать, что так восхитило: мастерство автора, палитра цвета, экспозиция или сюжет. Не разобрать, но эмоции — вот они.

Алиса хотела, чтобы Антон её нарисовал. Очень хотела.

— Что скажешь, согласна? — Антон с силой сжал колеса инвалидной коляски.

*

Максим

*

Сначала Максим слушал бредни ЗП — так он про себя называл Зою Павловну — вполуха. Но постепенно проникся, хотя если бы не увещевания родной тётки, ноги бы его тут не было.

— Каждый человек в своей жизни рано или поздно сталкивается с такими трудностями, сложностями или проблемами, которые от него не зависят, — говорила Зоя Павловна проникновенным голосом.

Максим вспомнил своего сумасшедшего папашу, вот уж у кого действительно были проблемы. Только он по этому поводу не переживал. От его проблем страдали другие.

— Они нам не подвластны, но в нашей власти их пережить, переварить, если хотите, — продолжала Зоя Павловна. — А чтобы это далось легко, нужно чем-то отвлечься. И тут на помощь приходит творчество, ведь творческая жилка есть в каждом из нас.

Странно. Её голос одновременно и успокаивал, даже немного убаюкивал, и чем-то наполнял, придавал сил. Действительно хотелось творить.

— Зоя Павловна сказала, что ты увлекаешься фотографией?

Повернувшись, увидел рыжеволосую девушку, она поймала его на выходе из группы, после занятий. Максим сразу её заметил, в первый же день. Женя. Она ему понравилась, но познакомиться всё не решался.

— Да, — кивнул он. — ЗП как раз недавно дала меня задание птичек в парке пофотографировать или что-то типа того.

— ЗП?

— Я так нашу промывательницу мозгов называю.

Женя рассмеялась. А он в который раз подумал: «Что она делает в группе психологической помощи? Так сразу и не скажешь, что у неё могут быть какие-то проблемы».

— А ты — писательница?

— Ну это громко сказано, так графоману помаленьку.

Беседа стала увядать, и Максим решился.

— Могу тебя пофотографировать, если ты не против?

— Я интересней, чем птички?

— Ага, — ответил Максим и покраснел.

Женя действительно была интереснее, чем птички. И красивее. Он фотографировал её в парке на скамейке. В кадр попадали то стройные ноги, то вырез декольте, то улыбающееся лицо, то смеющиеся глаза. Глаза? Глаз. Казалось, он только сейчас обнаружил, что её левый глаз всё время скрыт рыжей прядью. Когда попробовал убрать волосы в сторону, с лица Жени вмиг слетела весёлость, тонкие пальцы вцепились в его ладонь.

— Прости, — он отдёргнул руку. — Я ничего такого не хотел.

Женя вздохнула, грустно улыбнулась:

— Извини, если напугала, просто не люблю, когда трогают мои волосы.

Она поправила рыжую прядь.

— Проводишь меня до дома?

— Конечно.

Максим помог ей встать с лавочки. Они шли бок о бок, а в его груди разливалось тепло. Как раз рядом с тем местом, где его полоснул ножом отец.

*

АНТОН

*

Серые линии ложились одна на другую. Накладывались, превращаясь в старый кирпич, узкий ход, сводчатый потолок.

В третий раз выходило совсем не то, что я задумывал. На удивление хорошо выходило, но не то.

Серые линии складывались в глубокий туннель, коридор. Тени, почти чёрные, таились по углам, у входа раскинулся зловещий репейник. От картины веяло холодом. Страхом.

Смотреть тяжело.

Всё время слышу звук мотора. Как только грифель касается бумаги, рёв врывается в реальность, бьёт по нервам. Вот и сегодня, рокот неизбежности всё ближе. Стоит только всмотреться в рисунки повнимательнее, и вот он, — адский автомобиль и бампер, полный зубов и крови. Если бы только я принадлежал себе... Но рука, словно чужая, продолжает водить карандашом, вырисовывая полынью.

Порывался всё выбросить, сжечь, непременно сжечь, но Зоя Павловна каким-то шестым чувством поняла, что у меня всё готово. Пришлось

показать. Та пришла в неописуемый восторг и очень просила рисовать дальше.

— Антон, — она коснулась моего рукава, — у тебя талант.

И как-то так улыбнулась, что стало не по себе.

Впервые в душе зашевелилось нехорошее чувство. Будто что-то не то. Не так. И вроде бы всё хорошо: нога больше не болела, и Алиса... но стало страшно.

Очень страшно.

*

Евгения

*

Проводив меня домой, Максим попрощался и ушёл. А так хотелось, чтобы он остался: выпили бы кофе — а может и чего покрепче, ещё бы поболтали — а может и не только. Но, наверное, время ещё не пришло...

Зажгла свет в ванной, посмотрела в зеркало. Убрала рыжую прядь, закрывавшую левый глаз. Нет, на его месте не было пустой глазницы или уродливого шрама. Просто протез. Хороший протез. Если ничего не знать и не присматриваться, то сойдёт за настоящий глаз. Взгляд метнулся прямо в чёрный неживой зрачок. Там будто что-то шевельнулось, стало приближаться, расти. Мигнул свет. Я вздрогнула, приходя в себя, прекратила пялиться в зеркало.

Странное пугающее ощущение ушло, зато появилось желание творить. Прямо-таки острая потребность. Пальцы зачесались. Они словно превратились в бенгальские огни, из которых сыпались искры. Включила компьютер, создала новый документ. Пальцы забегали по клавиатуре — искры трансформировались в буквы, в слова, в предложения, в абзацы.

Давно не писала с такой скоростью. Легко. Не задумываясь.

Герои занимались любовью.

«Его руки скользили по её упругому телу, встречались их взгляды, встречались их губы. Дом задрожал. Кто-то приближался. Но любовники, охваченные страстью, забыли обо всём на свете. Гигантский глаз закрыл окно. Подглядывал.

Щупальца пробили стену. Схватили мужчину. Разорвали. Кровь забрызгала обнажённое женское тело. С любовницей извивающие конечности поступили ещё более жестоко».

Меня передёрнуло, когда описывала эту сцену. Да что там, не хотела писать, но руки как будто перестали подчиняться и зажали собственной жизнью. В конце концов, женщину тоже разорвали. А потом страшный глаз чудовища, словно развернулся и посмотрел на меня из моего же собственного текста.

Я вскрикнула и закрыла файл. Правда, по многолетней привычке всё же щёлкнула по кнопке «Сохранить». Посмотрев на документ, испытала целую гамму чувств: от отвращения до возбуждения. Лавкрафт и Эротика? Что за ерунда! Хентай с щупальцами какой-то! Захотелось его сразу удалить, без помещения в корзину. «Shift» + «Del». Смертельный приговор без права на амнистию.

Но сдержалась.

Убрала руки подальше от клавиатуры. Прохладные ладони легли на горячие бёдра, двинулись выше, задирая юбку. Как будто кто-то их двигал, не я. Или я? Снова вскрикнув, закрыла лицо руками и заплакала.

Со мной что-то не так.

*

Алиса

*

Проснулась в холодном поту. Пальцы свело от боли, скрючило.

Глотая слёзы, Алиса поплелась в ванну за обезболивающим.

«Проклятое выступление. Как я позволила уговорить себя? Ума не приложу... это всё она, её дар убеждения».

— Играй, Алиса, милая, — Зоя Павловна посмотрела ей в глаза, нежно коснулась искалеченных рук. — Ты сможешь. Твоя музыка... — она прервалась на мгновение, вспоминая. На лице заиграла довольная улыбка. — Божественна. Сыграй так, как только ты можешь.

И Алиса не смогла отказать.

Сколько она уже не играла? Полгода? Больше? Пальцы задеревенели, двигались, словно сухие ветки, бренчали по клавишам, как палки. Ужасно. Музыка звучала ломано, зловеще. Какофония демонов, а не гармония.

Зоя Павловна пришла в восторг. Остальные же... Словно взбесились: выли, топали ногами, кричали, хохотали. Девушка с рыжей челкой тряслась от страха, обхватив себя руками, парнишка, из новеньких, лежал в отключке.

Губы Алисы дрогнули, она перевела взгляд на стену: жуткая картина Антона занимала центральное место. От неё тоже веяло холодом и страхом, всё время казалось, что она истекает кровью. И этот далёкий шум мотора...

Алиса нашла Антона взглядом, тот сидел потупившись. Маленький и жалкий в своём инвалидном кресле.

На глаза навернулись слёзы. Что она тут делает?

Что?

Алиса вытерла лицо полотенцем, посмотрела на себя в зеркало. Закусила губу, пошевелила пальцами, унимая дрожь в руках.

Она играет, она снова играет. Вот, что.

Остальное не важно.

*

Максим

*

Проводив Женю, Максим вернулся к себе в квартиру. Фотосессия в парке не только возбудила, но и подарила множество новых идей. Только он ещё и сам не знал каких. Сел в кресло, подключил телефон к ноутбуку, «перекинул» файлы.

Открыл редактор изображений. Просматривая фотографии с Женей, Максим понял, что влюбляется. В ноги, в грудь, в лицо, в волосы, в улыбку. Кроме возбуждения, он чувствовал и теплоту.

Вдруг на одной из фотографий, позади Жени, заметил чёрное пятно.

— Что это? Может просто игра света или артефакт? — пробормотал Максим.

Увеличил картинку, пролистал дальше. На другой фотографии тоже чёртово пятно. Только ещё больше. Приобрело очертания. Чего?

Максим всмотрелся пристальнее, и у него перехватило дыхание. Чёрный человек, который не раз являлся ему в кошмарах.

Из коридора слышалось стук, как будто когти какого-то зверя.

— Нет, не может быть, — замотал головой Максим. — Я же не сплю.

Вот открылась дверь в комнату, звук стал ближе. Невидимая рука схватила за голову, вцепилась мёртвой хваткой, стала поворачивать назад, хотела заставить обернуться. Но Максим сопротивлялся, знал, что там увидит — гостя из кошмаров: чёрная человекоподобная фигура, в чертах лица угадывался его отец; пальцы на руках и ногах заканчивались не когтями, а ножами.

Лапа твари заскребла по креслу Максима. Не выдержав, он всё же резко обернулся.

Никого.

*

АНТОН

*

Звонок в дверь застал врасплох. Не хотелось двигаться, вставать с постели, открывать окна. Ничего не хотелось.

Жуткий концерт никак не шёл из головы. Звуки словно придавили, пригвоздили к постели, отнимая силы. Апатия, как в первые дни после аварии.

— Проклятье.

Звонок никак не унимался.

— Иду, иду. Кто там?

В глаза ударило цветом. Ярко-красная губная помада, красное платье в горошек и алые туфли. Глянцевые, блестящие, на высоком каблуке.

Стало трудно дышать.

— Зоя Павловна?

— Антон, вы не появлялись на занятиях, не отвечали на звонки, с вами всё хорошо?

Алая bestия легко отстранила меня с дороги, закрыла за собой дверь. Грудь Зои Павловны покачивалась в такт ходьбе.

— Антон... я беспокоилась... — Подошла совсем близко, прижалась.

«Да она же без ничего! Только в платье!»

— Со мной... со мной... всё в порядке.

— Ах, Антон, — Зоя Павловна многозначительно улыбнулась и, наконец, отпустив меня, прошла вглубь квартиры. — Угостишь чаем?

Её голос донесся из единственной комнаты.

Проклиная свою слабость, поплёлся на кухню, постукивая костылями по деревянному полу.

Руки подрагивали. Чайник пронзительно засвистел, заварка из коробки рассыпалась по столу.

— Проклятье.

Прислонился лбом к стеклянной полке, стараясь держать образ Алисы перед глазами.

— Чай, готов, пойдёмте в кухню.

— Значит, дома используешь костыли? — Зоя Павловна села напротив, закинув ногу на ногу.

Я невольно проследил за движением. С трудом, но всё же оторвал взгляд, заставил себя смотреть ей в лицо.

— Коляска удобна только на длинные расстояния, но опять же...

— Хочешь ходить несмотря ни на что?

— Да.

Не отвернулся, хотя чувство загнанного зверя не отпускало.

— А хочешь, — она подалась вперёд, — снова ходить на двух ногах?

Магические слова, обманка, но сердце заколотилось.

— Ты помнишь, — Зоя Павловна опустилась передо мной на колени, — как это случилось? Когда машина неслась на тебя? Как ударила, с такой силой, что ногу оторвало, раскучило на грязной дороге? Ты отлетел в сторону, а твоя нога в талый снег, и кровь разлилась по асфальту...

Её слова впивались, как спицы. Гвоздями драли только зажившую рану. Я едва мог дышать. Спиной вжался в холодную стену.

И тут она схватила мою несуществующую ногу, вцепилась в подвёрнутую брючину, сжала руками-когтями. Тогда я заорал.

*

Евгения

*

Я читала свой рассказ группе одновременно испытывая и стыд, и возбуждение. Чувствовала себя стриптизёршей, танцующей вокруг шеста и срывающей с себя одежду. Героиню насилвала осьминогоподобная тварь: гигантский глаз с щупальцами. Извивающиеся конечности, как кнуты, стегали тело несчастной, а когти на их концах, как бритвы, резали кожу, руки и бёдра.

Мой рассказ — моя сексуальная и страшная фантазия — появился совсем недавно. Закончив читать, обвела одноклассников взглядом. Мужчина в инвалидной коляске, Антон, он хорошо рисует, смотрел то на меня, то в сторону. В его взгляде светились понимание и страх. Алиса, красивая черноволосая девушка, зажала рот рукой, глядела в пол. Максим буквально пожирал меня глазами, однако и в его лице сквозил ужас.

А вот Зое Павловне понравилось.

Улыбнувшись своей понимающей и в то же время властной улыбкой, она кивнула.

— Чудесно, Женечка, просто чудесно. Даже лучше, чем у Стивена Кинга. Ты прямо будущая королева российского хоррора!

А потом Алиса играла на пианино. Это было и ужасно, и прекрасно. Точнее описать не смогу, что-то выходило из нас, что-то становилось нами.

После импровизированного концерта мы с Максимом оказались в женском туалете. Заперлись в тесной кабинке. Занялись любовью. Хотя то, что мы делали, скорее, походило на спаривание двух обезумевших от похоти животных.

Выйдя, столкнулись с Зоей Павловной. Она едва уловимым движением провела рукой по моему лбу, а потом по лбу Максима. Облизнула пальцы. Какая мерзость! К горлу подступил комок, меня замутило.

— Ну что же вы, идите-идите, — Зоя Павловна махнула нам рукой, как будто ничего не случилось.

*

Алиса

*

Клавиши оказались выломаны. Каждая вторая, чтобы для верности. Алиса не могла поверить, что Антон решился на такую подлость.

Обернулась на шум:

— Зачем?

Антон подслеповато, спросонья, тёр глаза, выехал из спальни.

— Ты не должна больше играть. Не понимаешь? Это всё она. Она что-то делает с нами. — Снизу вверх посмотрел в глаза. — Ты не можешь не замечать, что всё летит в тартарары. Мои рисунки, твоя музыка, фото того паренька. А последний рассказ той рыжей? Все... все творят... что-то злое. Эта группа словно культ тёмного бога.

Алиса осела на стул, прижала ладони к лицу.

— Уходи.

Антон подъехал, коснулся руки.

— Алиса...

— Ты не понимаешь, что для меня это фортепиано. Оно же моё. Моё всё. Моя душа, моя боль... А ты... Я не играла полгода, пока Зоя Павловна... Когда играю, словно живу. Понимаешь?

Антон молчал. Алиса пристально посмотрела на него, потом устало вздохнула.

— Уходи, мне нужно побыть одной.

— Я не уйду.

— Что же, тогда уйду я.

Алиса резко встала, запахнула халат и в домашних тапочках вышла на лестничную клетку, а затем на улицу. Идеально прямая спина подрагивала от рыданий. Антон что-то кричал вслед, но Алиса не слушала. Шла не глядя.

В кармане зазвонил телефон. Утирая слёзы, села на лавочку где-то в парке.

— Зоя Павловна?

— Алиса, милая, что с тобой? Твой голос... Неужели ты опять... Снова?

— Нет, дело не в этом...

— Я сейчас приеду. Где ты?

Алисе показалось, что Зоя Павловна приехала минуту спустя. Села на скамейку, взяла за руки, погладила шрамы.

— Ты не должна снова вредить рукам, они у тебя золотые, — поднесла к губам, поцеловала, а затем облизнула.

Алиса приросла к месту.

Зоя Павловна взглянула в глаза, зашептала:

— Не бойся, всё хорошо. Больше ничего не существует. Ни тебя, ни смерти, ни боли. Просто вспомни тот день, когда дверцей машины раздробила руку. Почему ты сделала это? Напряжение, давление, ответственность, что свалилась на тебя, проблемы дома. Непонимание. Депрессия. И ты нашла лучший выход?

Алиса дрожала словно лист.

— Но выход не там, Алиса, выход здесь. — Зоя Павловна протянула ей пеньковую верёвку с петлёй. — Бояться нечего. Ты уже мертва.

*

Максим

*

Фотографии с каждым разом становились всё страшнее. Голуби превращались в адских птиц, дети в уродских карликов, из деревьев вырастали шипы, на которых корчились в агонии изуродованные тела. И везде красовался чёрный силуэт с лицом отца и пальцами-ножами. Он стал словно подписью Максима: зловещий силуэт был то больше, то меньше.

Цвет фотографий приобрёл такой оттенок, как на рисунках того мужика в инвалидной коляске — Антона. От его жутких картин дух захватывало.

Было, конечно, и кое-что хорошее. Они с Женей встречались вне группы. И почти каждая встреча заканчивалась феерическим сексом.

Но эти фото...

Самую пугающую фотографию Максим сделал недавно — на ней: он, группа и ЗП. У Алисы, пианистки, одна из рук походила на тёмную лапу с когтями, на шее висела петля. У Антона вместо той ноги, что он потерял в аварии, росла какая-то дрянь, что-то типа конечности насекомого. Из левого глаза Жени вылезало щупальце, а сам Максим был похож на чёрного человека, даже пальцы, попавшие в кадр, напоминали ножи.

Но хуже всех выглядела ЗП. Как-то Женя рассказала Максиму о творчестве Лавкрафта, так вот, «психологиня» выглядела так, словно один из его монстров: то ли Ктулху, то ли Шуб-Ниггурат. То ли ещё кто. Пострашнее. Тёмное нечто с множеством щупальцев, лап, глаз, пастей и бог его знает, чем ещё. И оно улыбалось.

Максим ещё раз взглянул на фото, потом на голую спящую Женю. В голове включилась та демоническая мелодия, которую играла Алиса. Звуки трансформировались в слова. Они шептали, подавляли, приказывали.

«Убей...»

Максим пошёл на кухню, достал из ящика кухонный нож.

«Убей себя!»

Повертел в руках, вернулся в спальню.

«Убей её!!»

Взглянул на спящую Женю.

«Убей... Убей её! Убей себя!! Убей-убей-убей!!!»

Из глаз покатались слёзы, он не хотел никого убивать. Он не его отец, убивший маму. На миг показалось, что его окутала чернота, а пальцы превратились в ножи. Максим не хотел никого убивать, но внутренняя тьма была сильнее. И пока ещё она предлагала выбор.

Максим потянулся к Жене, слёзы капали на её живот, грудь, лицо. Убрал прядь волос, поцеловал.

— Я люблю тебя, — прошептал на ухо.

Вытер слёзы — выбор был сделан — приставил нож к горлу. Полоснул. Брызнула кровь. Алая жидкость залила голую грудь. Он захрипел, и Женя открыла глаза.

Увидела на полу окровавленного Максима с перерезанным горлом, рядом валялся нож. Закричала, слетела с кровати, обняла его. Но он её уже не слышал, всё вокруг стало темнеть. Собрав последние силы, Максим попытался сказать:

— Женя... я те...

Но договорить не смог.

*

АНТОН

*

Алиса вернулась за полночь. Задремал и не сразу услышал звук открывающейся двери.

— Алиса?

Не мог уйти, так и остался в её квартире. Не мог уйти, не дождавшись.

Она не разулась, так и прошла в мокрых тапках.

— Алиса?

Нашёл её в пустой комнате с фортепиано. Алиса стояла на табуретке, с петлёй на шее.

— Нет!

Не помню, как успел подхватить, как смог удержать. Обнял ноги, вжался в мокрый халат.

— Любимая...

— Пусти! — Она, наконец, заговорила со мной. — Пусти меня! Я мертва, давно мертва! Отпусти, дай покоя! — по щекам текли слёзы.

Алиса вертелась, как угорь, пытаюсь вырваться.

— Пусти, пусти!

Наконец высвободилась, ударила ногами. Коляска упала, придавив сверху.

— Алиса...

Лёжа на полу, я бессильно смотрел, как всё, что я люблю, умирает.

*

Зоя Павловна

*

Всё шло по плану. Вот-вот слабавольный художник-инвалид в гневе прикатит к ней. Сам. Стоило чуть-чуть подтолкнуть. Нет ничего

приятнее, чем создавать связи и рвать их. На людских эмоциях так приятно играть.

Дверь хлопнула.

Зоя Павловна оторвала взгляд от ноутбука. Наконец-то!

— Мерзкая тварь! Ты ответишь за её смерть!

— Антон! — Зоя Павловна поднялась из-за стола.

В одно мгновение оказалась возле инвалидного кресла, сжала подлокотники. Навалилась всем телом, жарко зашептала:

— Ты никто.

Слова змеями вползли в уши Антона, заскользили под черепной коробкой, пожирая волю и разум.

— Ничто, просто сосуд.

Зоя Павловна выпрямилась, оттолкнула коляску — та ударилась о стену, бесчувственное тело вывалилось из неё, словно мешок.

Безглазые твари, уродливые серые слуги, тихо отделились от тени Зои Павловны, подобрали тело Антона, заботливо посадили обратно.

— А теперь, вставай.

Зоя Павловна властно протянула руку, и нечто, раньше бывшее Антоном, послушно встало с коляски. На обе ноги.

— Один есть, — усмехнулась Зоя Павловна. — Осталась ещё одна.

Писательница, одноглазая извращенка-графоманка. Она не заставила себя долго ждать. Не прошло и получаса, как ещё раз хлопнула дверь, Женя влетела в комнату. Единственный глаз яростно сверкал, выхватила нож из кармана, ринулась вперёд. Криво ухмыльнувшись, Зоя Павловна раскрыла навстречу объятья. Перехватила нож, воткнула в правый глаз, затем в левый, вынула протез.

— Послушные сосуды так не поступают. А уж уродливые одноглазки и давно!

Женя металась на полу, прижимала руки к глазам, кричала.

— Теперь ты принадлежишь мне. Ничтожество.

Серые твари распахнули зубастые пасти на животах, раскрыли глаза на груди, завывали, задёргались в нетерпении. А затем набросились на Женю. Она кричала, выла, скулила.

Бездна открыла для неё объятия, и Женя, не раздумывая, бросилась во тьму безумия. Живая тьма теперь плескалась на месте глаз.

Зоя Павловна протёрла платком протез, подошла к одному из слуг, воткнула в глазницу.

— Ну вот и славно.

Когда превращение завершилось, рядом с ней всё так же стояли Женя и Антон. Зоя Павловна поцеловала их в лоб, счастливо вздохнула.

— Я так рада, что смогла помочь вам, мои дорогие. А теперь пойдёмте, у нас очень много дел. Вокруг столько неприкаянных душ, которые надо спасти.

5. Недоступная цель

Улица называлась Привокзальная, хотя никаких вокзалов тут не было и в помине. Может когда-то, однажды, проект возник в воображении архитектора, чертившего городской генплан. Но осуществился лишь в виде открытого кирпичного павильона, с одной лавкой вдоль длинной стены и тесной будкой билетной кассы, где непонятно как помещались стол, нестораемый шкаф и продающая автобусные билеты тётка. В общем, типичная задрипанная автостанция крохотного провинциального городка. Всю лавку оккупировали шумные колхозные бабы в платках, похожие одна на другую словно матрёшки. И только в самом углу, привалившись к стене, храпел непонятный пассажир в замызганной спецовке, окутанный ядрёным, почти зримым облаком табачно-пивного перегара. Вокруг павильона, по усыпанному подсолнечной шелухой асфальту бродила орава ворчливых голубей в тщетных поисках оброненного зёрнышка.

Припекало, июльский полдень расщедрился на солнце.

– Долго ещё нам здесь торчать? – хмуро осведомился Кир.

Николай переложил набитый столичными гостинцами портфель из левой руки в правую, посмотрел на часы.

– Минут сорок.

Кир подтянул ремень висевшей на плече спортивной сумки, буркнул:

– На машине надо было ехать.

– На какой?

– На «ниве» служебной. У шекснинских в гараже наверняка есть.

– Может и есть, да кто бы нам дал такую роскошь? Это, значит, во-первых. А во-вторых, нельзя. Сам знаешь почему.

Кир знал. Следовало придерживаться утверждённой легенды. Но настроение от этого лучше не делалось. Дорога выдалась долгая, в Усть-Шексне пришлось пересаживаться с поезда на междугородный автобус, и, как оказалось, это была не последняя пересадка.

Он посмотрел через дорогу, на старые, барачного вида двухэтажные дома, вросшие в землю почти по самые окна.

– А столовка здесь имеется?

– Конечно, – сказал Николай, усмехнувшись. – Но тебе не понравится.

– Это ещё почему?

– Да заметил я, как ты на местных поглядываешь. Лучше прекращай, держись проще.

– Проще, ага, – кивнул Кир. – Слушась, тырщ маёр.

– Прекращай, – повторил Николай с нажимом. – Что ты мне тут выкобениваешься? Прямо как маленький...

– А я и есть маленький, – сказал Кир. – Рост метр шестьдесят, размер обуви – двадцать три с половиной. Уникум с благоприобретённым

синдромом Циперовича. Спасибо нашему гениальному папаше за эксперимент над собственным сыном.

– Экспериментальное лечение, – поправил Николай. – Иначе ты не выжил бы.

– Ну да, конечно. Я это сто раз уже слышал.

– Так не жалуйся.

– Я и не жалуясь, – сказал Кир. – Ну, разве чуть-чуть. Недавно хотел в кино сходить, а меня не пустили – оказалось, «детям до шестнадцати». Представляешь?

Николай опять усмехнулся.

– А что, тебе очень надо было?

– Нет, не очень, – признался Кир. – У меня дома видик есть. Из «Берёзки», японский. А кассетами мы на работе меняемся. В общем, «Историю О» и «Эммануэль» я смотрел.

– Стыд и позор, – сказал Николай с ноткой зависти. – Вы совсем морально разложились в своей девятке.

– Кто бы говорил...

– Ладно, что торчать на солнцепёке, пойдём вон в скверике на лавочку сядем.

Напротив скамейки, под клёном, была парковая скульптура: две гипсовые девушки сидели бок о бок, склонившись, читали одну книгу. Должно быть, «Женщину в белом» или другой готический роман, судя по застывшему выражению лиц. Кир сел, поставил рядом с собой сумку и тоже достал книгу, предусмотрительно обёрнутую газетой.

– Что читаешь? – поинтересовался Николай.

– «Посол без верительных грамот».

– Опять фантастика?

– Да.

– Неужели тебе и вправду интересно, учитывая, хм, обстоятельства?

– Там про другое, – сказал Кир. – Про далёкое будущее и чужие планеты.

– Ну-ну, – сказал Николай. – Вот приедем в Моховое, точно забудешь про все свои книжки.

То ли пообещал, то ли пригрозил. Кир решил не забивать себе голову, в данный момент его больше интересовало, чем закончился эксперимент профессора Брантинга.

Полчаса спустя от автостанции докатился жестяной голос динамика, слов было не разобрать. Николай оглянулся и встал, подхватив портфель.

– Пошли, автобус подъехал.

Кир по давней привычке запомнил страницу, на которой остановился, убрал книгу в сумку и двинулся вслед за братом.

Перед павильоном тархтел «пазик» каурой масти, в открытые двери с кряхтением забирались колхозницы. Кир и Николай зашли последними,

свободными оставались ещё несколько последних мест. Водитель выждал пять минут, закрыл двери. Автобус отошёл точно по расписанию.

– Держись крепче, – посоветовал Николай. – Дальше дорога совсем никакая.

Грунтовка, раздолбанная тяжёлой сельхозтехникой, могла называться дорогой исключительно по недоразумению. «Пазик» резво скакал по колдобинам, временами делая остановки возле деревень с примечательными названиями: Ямино, Кочино, Овражек... Одни пассажиры выходили, другие – заходили. Сыпали водителю мелочь в пригоршню, о билетах никто не беспокоился. Когда Киру уже стало казаться, что проклятый рыдван вытряс из него всю душу, Николай сказал:

– Почти приехали. Сейчас выходим.

Автобус высадил их в чистом поле и попылился дальше по своему маршруту. От грунтовки ответвлялась накатанная тракторами колея. Дорожный указатель извещал: «Моховое, 3 км». Самой деревни видно не было, вокруг расстилался непривычный для городского взгляда простор.

– Ну что, двинули? – предложил Николай. – Разомнём ноги.

– Три километра. – Кир сокрушённо вздохнул. – Чтобы ещё хоть раз я поддался на твои уговоры...

– Да чёрт тебя подери, Кирилл! – сказал Николай в сердцах. – Иногда гляжу на тебя и даже забываю, какой ты всё-таки старый пердун!

Он повернулся и зашагал прочь.

– И вовсе не старый, – проворчал Кир. Нагнав брата, примирительно сказал: – Ну ладно, чего ты в самом деле...

– Я уже жалею, что с тобой связался.

– Вот, кстати, объясни, зачем ты со мной связался?

Николай неожиданно остановился, Кир едва на него не налетел.

– Ты хоть читал мою докладную?

– Я много чего читал. И твою докладную, и другие материалы. Про упавший в лес неопознанный объект – предположительно спутник, предположительно американский. Про неполадки на станции радиорелейной связи, которая в шести километрах от места падения. Про инциденты в близлежащей военной части, откуда солдаты и даже офицеры стали драпать с перепугу. Про неудачную попытку десанта и разбившийся вертолёт. Но я так и не понял, как ты сюда встрял и зачем ещё меня притянул?

– Я в Моховом и раньше бывал, – сообщил Николай, двинувшись дальше. – У меня жена отсюда родом. А тёща так тут и живёт. Поэтому оперативно-технический отдел меня и привлёк, когда армейские наконец поняли, что собственными силами им не справиться.

Кир старался не отставать, на два размашистых шага брата ему приходилось делать три.

– Ага, насчёт тебя я понял. Теперь ответь, зачем ты меня привлёк?

Николай ответил не сразу. Косо глянул через плечо, вздохнул.

– По неким неизвестным причинам к месту падения не подобраться. На рубеже приблизительно в тысячу девятьсот метров любая техника выходит из строя. Более того, у приблизившихся к условной границе людей, даже у храбрых десантников, начинаются приступы неконтролируемой паники.

– Говорю же, про это я читал.

– А вот детишки из Мохового на хмаровское болото спокойно ходят, и всё им нипочём, – сказал Николай. – Вроде бы даже за периметр забираются.

– Вот оно что, – сообразил Кир. – Ты думаешь, что и у меня получится?

– Я уже не знаю, что думать. С весны тут торчу, хоть насовсем к теще прописывайся.

– Она в курсе, где ты работаешь?

– Нет, конечно. Она думает, будто я инженер из оборонного НИИ, налаживаю радиорелейную вышку.

– Ну а я тогда кто?

– Ты – мой двоюродный брат из Ленинграда. Закончил восьмилетку, приехал в деревню отдохнуть, с родственниками повидаться.

Кир фыркнул.

– Да я бы скорее в Мурманск отдохнуть поехал, на солнечное побережье Баренцева моря.

– Не начинай, – оборвал Николай, и дальше они шли молча до самой деревни.

В первый день после приезда не произошло ничего достойного упоминания в отчёте. Кир празднично слонялся по деревне, присматривался к местным. Главным образом – к детям. Их тут было немного. И не все из них, по мнению Кира, заслуживали особого интереса. Малолеток младше десяти он решил во внимание не брать. В деревне, конечно, нравы простые, но вряд ли мелкоте позволяют забираться в лесные дебри. Значит, оставался всего пяток подростков возрастом постарше. Эти уже народ как бы самостоятельный, где хотят – там и гуляют, без взрослого присмотра.

Набиваться в друзья Кир не спешил, терпения ему было не занимать. Очевидно, деревенские его тоже приметили. И на другой день первыми сделали шаг навстречу, когда Кир с умыслом вышел за околицу, на берег мелкой речушки.

Их было трое. Белобрысый заводила лет пятнадцати, что называется – кровь с молоком, ростом выше Кира на полголовы. Второй был помладше, щуплый, с оттопыренными ушами. Третьей была поразительно рыжая девчонка – с рыжей косичкой, хитрыми рыжими глазами и улыбкой, тоже рыжей, в веснушках. Даже платье у неё было с апельсинками.

Вместо «привет» и «как зовут» белобрысый сразу нахально осведомился:

– Эй, цээска, курить есть?

Кир на мгновение опешил. ЦСКА? А, ну да, есть же эмблема на его спортивной сумке. Однако же, какой зоркий глаз у деревенских.

- Не курю.
- Спортсмен что ли? – не унимался белобрысый.
- Типа того.
- Хоккеист?
- Шахматист.

Белобрысый нахмурился.

- Что-то ты слишком дерзкий для шахматиста.

Кир пожал плечами. Подобные ситуации он переживал много раз: стая столкнулась с непонятным новичком, вожак должен его оценить и заодно показать, кто тут главный. В ответ надо дать понять, что тоже чего-то стоишь.

- Знаю, как ходить конём.

Девчонка заулыбалась шире, щуплый громко хихикнул. Белобрысый совсем помрачнел.

- Нет, ну ты в натуре борзый, москвич.

Драться он не умел совершенно, замахивался чуть ли не из-за спины. Кир подсел под летящий в голову кулак, перехватил руку белобрысого и натренированным движением швырнул его через плечо. Тот, впрочем, тут же вскочил на ноги и снова стиснул кулаки. Кир приготовился отразить другую атаку. Белобрысый взмахнул кулаком. Кир не думал, что этот удар его достанет, дистанция была слишком велика, но в глазах вдруг сверкнула белая вспышка...

Он пришёл в себя, оттого что кто-то плеснул ему в лицо прохладной водой. Лопухий пацан с настороженным вниманием взирал на Кира сверху вниз. Где-то рядом, но вне поля зрения, девчонка отчитывала драчуна:

- Дурак, ты ж его чуть не убил!
- Так не убил же вроде, – оправдывался белобрысый.
- Эй, ребзя, – позвал лопухий, – он глаза открыл, смотрит.

Кир попробовал приподняться, снова лёг на траву. Голова отчаянно кружилась, словно после аттракциона «Седьмое небо».

– Ну вот, – обрадовался белобрысый. – Я же говорю, живой. Ты как, москвич? Скажи уже что-нибудь.

- Я из Ленинграда, – сказал Кир.
- Это другое дело. Встать можешь?
- Не знаю. Голова кружится. Полежу тут немного, может пройдёт.

– Нельзя на сырой земле долго лежать, спину застудишь, – строго сказала девчонка Киру. Потом повернулась к своим друзьям и велела: – Помогите ему подняться.

– Давай лапу, ленинградец, – сказал белобрысый, протягивая руку. – Кстати, меня Лёхой зовут. А это Валерка и Настя.

Силушка в нём играла недетская, он поднял Кира на ноги одним рывком.

- Кирилл. Но лучше просто Кир.
- Вот и познакомились.

– Да уж...

Кир пошатнулся, ноги держали плохо, колени подгибались. Лёха не дал ему упасть.

– Валер, подоприм его с другого бока. Доведём хоть до твоего дома, это же совсем рядом. Пусть у вас на завалинке посидит, оклемается.

В обнимку, словно подгулявшие приятели, они поплелись вверх по косогору. Настя держалась чуть в стороне.

– А ловко ты меня шмякнул, – сказал Лёха. – Это самбо, да?

– Дзюдо, – коротко ответил Кир. Его одолевала дурнота, опять кружилась голова.

– Класс! Где научился?

– В спортклубе.

– А меня научить можешь? – с надеждой спросил Лёха. – Хоть пару приёмов?

– Потом, – сказал Кир сквозь зубы. – Завтра.

– Отстань от него, – велела Настя. – Какие тебе приёмы? Посмотри, он же на ногах не стоит.

Лёха с Валеркой дотащили Кира до крайнего дома, усадили под окнами. Кир прижался затылком к шершавому тёсу, закрыл глаза.

– Бледный какой, – сказала Настя сочувственно. – Голова сильно болит?

Кир изобразил слабую улыбку.

– Терпимо.

– Я к бабушке схожу, узнаю, может, у неё есть чего-нибудь от головы.

Послышались её торопливые удаляющиеся шаги. Лёха, немного помявшись, проговорил:

– Слышь, Кир.

– Что? – спросил Кир, не открывая глаз.

– Ну, в общем... Ты не говори никому, что это я тебя звезданул, – попросил Лёха. – Ладно?

– Не скажу.

– Обещаешь?

– Могила, – подтвердил Кир.

У Лёхи, очевидно, камень с души свалился, голос его повеселел:

– Тогда я тоже пойду. Валер, ты присмотри за ним на всякий случай, ладно?

– Конечно, – с готовностью откликнулся Валерка.

И они остались сидеть на завалинке вдвоём. В траве звонко стрекотали кузнечики, в отдалении кудахтали куры, из чьего-то открытого окна приглушённо бубнила радиостанция «Маяк».

– Квасу хочешь? – спросил Валерка. – Могу холодного из подпола достать.

Кир прислушался к собственным ощущениям. Вроде бы уже не штормило, как несколько минут назад.

- Да неплохо бы.
- Сейчас принесу.

Валерка исчез в доме на пару минут, вернулся с кружкой обещанного кваса в одной руке и копеечным альбомом для рисования – в другой.

– Спасибо, – сказал Кир. Сделал глоток кваса, сильно отдающего дрожжами, и поинтересовался как бы невзначай: – Рисуешь?

Валерка отчего-то смутился, у него даже уши порозовели. Хотя явно ведь неспроста он принёс с собой альбом.

- Д-да...
- Посмотреть можно?

– Я не очень хорошо умею, – пролепетал Валерка, смущаясь ещё сильнее. Казалось, он готов был унести альбом обратно, но Кир уже требовательно протянул руку.

Кир был буквально потрясён: рисунки оказались фантастические – и в прямом смысле, и в переносном. Они были сделаны скверными цветными карандашами на грубой дешёвой бумаге, техника исполнения выдавала самоучку – но это было совершенно неважно. Ирреальные пейзажи, чем-то отдалённо напоминающие звёздные небеса Ван Гога, заставляли затаить дыхание.

– Да ты талант! – восхищённо сказал Кир. – Я всегда удивлялся, как художники такие образы придумывают?

- Валерка пожал плечами.
- Мне они снятся.
- Правда?
- Ага.

– Талант, – повторил Кир. – Кроме шуток. Тебе после школы непременно надо в художку поступать.

– Мамка говорит, что этими каляками денег не заработаешь, – грустно вздохнул Валерка. – Говорит, иди на бухгалтера учиться. У меня же в школе по математике одни пятёрки.

Кир не нашёлся с ответом. Не знал, что посоветовать. Сам почти всю жизнь делал то, что приказывали другие...

Следующие несколько листов были пустые. Кир механически их пролистал, и тут рука у него дрогнула. С рисунка смешливо смотрела Настя. В зубах зажата травинка, на голове – венок из одуванчиков. На другом рисунке – опять Настя, кренясь под весом, тащит ведро с водой. И снова она, сидит над раскрытой книгой, подперев рукой щеку.

Несмотря на некоторые огрехи исполнения, характер был схвачен удивительно точно.

Валерка, пунцовый как помидор, выхватил альбом у Кира из рук и убежал в дом.

- Что это он? – спросила подошедшая Настя.

– Не знаю, – сказал Кир. – Может, вдруг вспомнил, что уют не выключил.

Она посмотрела с недоумением.

– Какой уют?

– Не обращай внимания. Я сам не понимаю, что болтаю. Последствия сотрясения, наверное.

Настя показала ему принесённый с собой узелок.

– Бабушка посоветовала капустные листья приложить, они хорошо головную боль снимают.

Кир покорно согласился:

– Народная медицина – наше всё.

Помог ли компресс из капустных листьев или таблетка анальгина, которую Кир принял по возвращении, но к вечеру самочувствие пришло в норму. Ужинали в деревне около восьми, потом наступало время чаепития. Это был целый ритуал, почище китайской чайной церемонии. Нужно было специально нащепать лучины, раскочегарить здоровенный самовар, а когда закипит, водрузить его на середину стола, а сверху ещё приладить заварочный чайник и, усевшись в кружок, попивать чаёк, да вести душевные беседы. Кир, в отличие от Николая, к такому укладу пока не привык. К тому же встречать во взрослые разговоры ему было вроде как не положено. Впрочем, исподволь Кир выяснил у словоохотливой тёти Тони, что Лёшка Чекан, конечно, балбес, но в армии из него человека сделают, а вот Валерка Ермолин совсем блаженной и толка из него, поди, не будет, Наська же Солнцева – девчонка бедовая, и когда подрастёт, от неё парни лиха ещё натерпят.

Поблагодарив хозяйку за угощение, Кир выбрался из-за стола, взял в комнате книжку и вышел на улицу.

Вечернее солнце разливало тёплый медовый свет. Кир сел на лавку под черёмухой, раскрыл книжку наугад, задумался.

Что же всё-таки случилось днём, у речки? Кир был уверен, что не мог пропустить удар, ведь Лёха стоял в целом метре от него. И эта белая вспышка... Привиделось или нет? Он был почти уверен, что не привиделось. Но тогда что это было?..

– Как голова? Не болит?

Кир вздрогнул от неожиданности, поднял глаза. Рядом стояла Настя, в закатных лучах её волосы приобрели цвет червонного золота. И как это у неё опять получается подкрадываться так незаметно, по-кошачьи?

– Не болит. Спасибо за лечение.

Она села на другой край лавочки, спросила с неподдельным интересом:

– Что за книга?

– Фантастика, – ответил Кир. – «Посол без верительных грамот» Сергея Снегова.

– Это который «Люди как боги» написал? – уточнила Настя. – Его новая книга?

– Да, – сказал Кир, не скрывая удивления. – Вот уж не думал, что ты читала «Люди как боги». Обычно девочки другие книги читают.

– Какие другие?

– Ну, не знаю... Что-нибудь романтическое, про любовь. «Олесю», например. Или «Джен Эйр».

– Не, мне фантастика нравится. Только в нашей сельской библиотеке, что в Красинском, фантастики почти совсем нет. Дашь мне свою книжку почитать? Я аккуратно, честное слово.

Кир протянул ей книгу.

– Держи.

У Насти загорелись глаза, но брать книгу она медлила, словно боясь поверить счастью.

– Ты же сам ещё читаешь.

– Да я уже по второму разу начал, – сказал Кир. – Бери, читай.

– Спасибо!

Кир улыбнулся.

– Тебе спасибо – за первую помощь.

Наутро компания собралась в прежнем составе. Едва Кир вышел со двора, Лёха тут же напомнил ему про вчерашнее обещание. Так и пошли на речку всей гурьбой. Валерка с Настей пристроились на стволе поваленной весенним паводком ветлы. Настя тут же открыла принесённую с собой книгу и углубилась в чтение. Кир почему-то думал, что Валерка возьмёт с собой альбом, чтобы порисовать, так сказать, на пленэре. Но Валерка пояснил, что никогда не рисует с натуры, только по памяти, причём когда никого рядом нет. Кир пожал плечами и принялся делать разминку.

Лёха оказался весьма способным учеником. Кир показал, как правильно падать, как уклоняться от атаки, продемонстрировал несколько захватов и бросков. Лёха, не закрепощённый никакой техникой, всё схватывал на лету. И он как будто не знал усталости. С Кир уже семь потов сошло, он из сил выбился валять неумелого новичка, а Лёха всё не отступался.

Кир уступил первым. Решил показать, как слабый оппонент может уронить сильного. Поманил Валерку, поставил напротив Лёхи и взялся объяснять, куда шагнуть, за что схватиться, как тянуть. Даже Настя отвлеклась от книжки, чтобы посмотреть, что из этого получится.

Не получилось ничего. Совсем. Даже когда на лёхино место встал сам Кир и всячески старался поддаться. Применительно к Валерке безотказный принцип «дзю ёку го-о сэй-суру» дал осечку. Очевидно, таланты парня лежали совсем в другой сфере. И Кир махнул рукой.

Потом они сидели на поваленной ветле, молчали. И Кир чувствовал: что-то назревает.

Лёха посмотрел на его кеды, зелёные от травяного сока, и спросил как бы невзначай:

– У тебя сапоги есть?

- Не-а, – сказал Кир. – Зачем мне сапоги?
Троица деревенских обменялась красноречивыми взглядами.
– Чтобы по лесу ходить, – объяснил Лёха. – Мы завтра в лес собираемся. Пойдёшь с нами?
У Кира ёкнуло внутри, но он не показал виду.
– За грибами? Так я сыроежку от поганки не отличу.
– Это ничего, – сказал Лёха. – Сперва надо с сапогами вопрос решить.
– Могу принести старые юркины кирзачи, – сказал Валерка. – Ему уже всё равно малы.
– Замётано, – кивнул Лёха. – Так что, Кир, идёшь?
– Конечно, – сказал Кир.

Он начал собираться с вечера. Приготовил складной нож и компас, зарядил в компактный фотоаппарат «Киев-30» новую кассету с плёнкой. Одолжил у тёти Тони берестяное лукошко. Хотел на всякий случай попросить у Николая счётчик Гейгера, но подумал, что это будет чересчур. Деревенские же не фонят, когда из леса возвращаются, Николай их уже проверял.

Ночью спал плохо, вдруг вернулись давнишние кошмары времён 442-го госпиталя. Утром встал ни свет ни заря. Впрочем, в деревне все так поднимались.

– А за тобой уж друзья пришли, – сообщила тётя Тоня, пока Кир пил молоко, закусывая куском холодного пирога. И предостерегла: – Ты далёко не ходи. Ежели на хмаровское болото поведут – лучше сразу назад возвращайся.

– Почему?

– Места там плохие. И раньше нехорошие были, а теперь и подавно.

Кир в ответ буркнул что-то невнятное. Он надеялся, что его отведут именно на то самое, нехорошее место.

Стоптаные кирзачи, принесённые Валеркой, пришлись впору, но были тяжелы с непривычки. Громко топая, Кир спустился с крыльца.

– Ну, пошли что ли, – сказал Лёха и первым двинулся со двора. Остальные потянулись следом.

Заря только занималась, в низинах стелился туман, трава была сизая от росы. Они миновали пробуждающуюся деревню, перешли речку по узкому мостику, сбитому из жердей, и направились к лесу.

Лес стоял, тихий, мрачный. Как будто чего-то ждал.

Кир произвольно поёжился. Хотел сказать что-нибудь, но не нашёлся со словами и смолчал. Вдобавок, в данный момент это почему-то казалось неуместным. Остальные также ничего не говорили. Их загадочное молчание тревожило, но Кир пока сдерживался. Было интересно, куда заведёт такая своеобразная игра.

Вглубь леса они не пошли. Лёха повёл компанию вдоль просеки, по которой тянулась линия электропередачи.

Через полчаса безмолвного марша Кир не выдержал:

– Я думал, мы в лес собирались. За грибами.

– Нет, – не обернувшись, ответил Лёха, – не за грибами.

– А зачем тогда?

– Скоро увидишь.

Они всё-таки свернули с просеки и углубились в чащу. Вскоре Кир пожалел о смене маршрута, продираться через заросли, то и дело запинаясь за кочки и выпирающие из земли корни, было совсем не увлекательно. Настя иногда оборачивалась к нему, подбадривала взглядом или улыбкой. Но, как и прежде, не произносила ни слова. Прошло ещё минут двадцать, у Кира практически истощилось терпение, но тут их партизанский отряд внезапно уткнулся в изгородь из колючей проволоки.

– Это что? – пропыхтел Кир. Разумеется, ответ он знал, но нужно было поддерживать образ.

– Как что? – усмехнулся Лёха. – Забор.

– А за забором?

– Территория военной части.

– И что дальше?

– Сейчас дырку в заборе найдём. Она рядом, мы в сторону малёха ушли.

– Хотите в запретную зону лезть? Зачем?

– Сам увидишь, – сказал Лёха. – Если не очканёшь, конечно.

Насчёт этого у Кира уверенности не было. Если по ту сторону ограждения действительно находится нечто, непостижимым образом влияющее на человеческий организм, – кто знает, что может случиться? Впрочем, он же пришёл сюда, чтобы всё выяснить самому, верно?

За забором ничего ужасного не случилось. Кир вообще не уловил никаких изменений – ни в себе, ни вокруг. Тут был такой же лес, который вскоре поредел и расступился. Взору открылась обширная, с футбольное поле, прогалина, устеленная одеялом нежно-зелёного мха.

Примерно посередине, в ложбине, окружённой правильным кольцом рогоза, мерцало туманное марево. Если присмотреться, в мерцании начинали различаться сложные геометрические структуры, изменчивые, но симметричные, будто проекции из гиперпространственного калейдоскопа.

– Красиво, – негромко сказал Валерка.

Кир догадался, откуда он черпает своё вдохновение.

Настя вопросительно посмотрела на Лёху, тот в ответ кивнул. Она взяла Кира за руку.

– Идём.

– Туда?

– Да.

– А это не опасно?

Настя истолковала вопрос Кира по-своему.

– Нет. Дождей давно не было, болото здорово высохло.

Плотный моховой ковёр упруго колыхался под ногами, страшно было подумать о скрывавшейся под ним трясине.

Когда они подошли вплотную к миражу, Настя сказала:

– Смотри не отрываясь. Как увидишь лестницу – иди вперёд.

– И всё?

– Просто иди.

Сама она встала к мареву спиной.

Кир стал вглядываться в коловращение фрактальных узоров. Опять начала кружиться голова, но он смотрел. Пока не увидел лестницу, закрученную как на рисунке Макса Эшера.

И сделал шаг.

Он не знал, как долго блуждал там, в иных измерениях, среди бесконечных зеркальных лабиринтов универсума. Течение времени остановилось, ибо он стал воспринимать его иначе. Целиком.

И сошёл с последней ступени лестницы Эшера в тот же самый миг.

– Я теперь всё про тебя знаю, – сказала Настя. – Всё-всё.

– Я тоже, – сказал Кир. Теперь он действительно знал про себя всё – до конца. – И даже больше, чем хотелось бы. Мама, роди меня обратно.

– Ты тоже видел, что будет дальше?

– Видел... вижу... буду видеть... Ч-чёрт! Как всё стало сложно, у меня башка трещит.

– Скоро привыкнешь.

– Знаю.

– Ты не можешь изменить их судьбу.

– Знаю.

Настя сунула руку в карман его штормовки, достала фотоаппарат, протянула Киру.

– Но ты будешь хранить наш секрет.

– Конечно, ты ведь знаешь.

Кир взял фотоаппарат и отщёлкал всю фотоплёнку, стараясь, чтобы в кадр не попал главный объект. Затем взял Настю за руку, и они пошли обратно.

– Всё хорошо? – спросил Лёха у Насти.

– Да, – сказала она.

– Тогда нафига болото фотографировал?

– Да так, – сказал Кир. – Брат попросил.

6. Дар

Стас проснулся. Он словно вынырнул из небытия. Секунду назад он не существовал, а сейчас лежал в горизонтальном положении с закрытыми глазами. Стас прекрасно знал это состояние. Состояние ужасного похмелья. Сквозь закрытые веки, он чувствовал, что день уже наступил. Стас открыл глаза, вернее попробовал открыть, веки слиплись, словно не хотели разлучаться друг с другом. Пришлось поднять руку, чтобы неловкие пальцы разобрались в этой ситуации. Движение принесло боль. В голове словно разорвалась бомба. Маленькая такая бомбочка. Стас неожиданно для себя ахнул. Голова разрывалась, лежать дальше было бессмысленно.

- Надо подлечиться, надо-надо подлечиться, - Стас переиначил на свой лад когда-то популярную песню. Язык был сухим и неуклюжим, часть букв не выговаривалась. Одной рукой держась за затылок, другой наконец справившись с непослушными веками, Стас сел на кровати и открыл глаза.

Он явно был не дома. Комната была похожа на гостиничный номер. Причём на дорогой гостиничный номер. Тяжелые шторы, в щель между которыми пробивается яркий солнечный свет. Кондиционер на стене, большой плоский телевизор, мини бар, и самое главное, две бутылки минеральной воды и перевернутый стакан, стоящие на круглом подносе на столе, под телевизором. Не веря в свою удачу, Стас доковылял до стола и игнорируя стакан припал к бутылке. Пол литра жидкости словно впиталось в организм так и не достигнув желудка. Ноги подкосились, и Стас отодвинув кресло, упал в него. После второй бутылки минералки стало легче. Боль в затылке уже утихла, не совсем, но мысли медленным и ленивым ручейком потекли в голове мужчины.

Стас посмотрел на руку. Возле часов красовался браслет из тонкой пластиковой полосы. Точно отель. Он взглянул на часы. Четверг. Значит вчера была среда, не совсем подходящий день, чтобы так накидаться. А судя по тому состоянию, в котором Стас пребывал сейчас, вчера он более чем накидался. Среда - рабочий день. Воспоминания обрывками всплывали в памяти, но общую картину вчерашнего дня пока восстановить не удавалось. Вот он завтракает дома, вот тупит в телефон в трясущемся трамвае, среди таких же зомби, не могущих, да и не желающих оторваться от своих маленьких экранов. Какой-то смутно знакомый звук, раздавшийся со стороны улицы отвлек его. Вот снова. Что-то знакомое с детства. Стас был

уверен, что знает этот звук. Вот-вот вспомнит, где-то на краю сознания плавал ответ. Он поднялся, подошел к шторе, отдернул её и выругался от неожиданности.

Ответ наконец проявился перед мутным взором мужчины. Чайки. Долбаные чайки. Вместе с криками морских птиц, до ушей Стаса дошли звуки прибоя. Перед глазами предстала песочная полоса, на которой ровными прямоугольниками были расставлены шезлонги и зонты. Здесь же, на незанятых территориях, люди прямо на песке расстилали покрывала, и укладывались на них подставляя свои тела, палящему сверху солнцу. Дальше, сколько охватывал взгляд, начиная от пляжа и заканчивая горизонтом, простиралась водная гладь, покрытая легкими гребнями накатывающих на берег волн словно мурашками.

- Вот влип, - сам себе сказал Стас, - где я, и как я здесь оказался, - он распахнул до конца стеклянную дверь и вышел на балкон. Легкий ветерок, идущий с моря, моментально бросил ему в лицо запах соли и морской воды.

- Р-р-р-рыб-б-ба, р-р-р-рыб-б-ба, р-р-р-раки, кр-р-р-р-ветка, - уверенным дикторским голосом рекламировал свой товар, бредущий по пляжу, загорелый до черна молодой парнишка, с клетчатой сумкой на плече.

- Так, ну я хотя бы не за границей. Это уже что-то, - снова сам себе сказал Стас. Он вернулся в номер, и отправился на поиски своего телефона, резонно рассудив, что там вполне может быть информация, которая поможет залатать дыры в памяти. Или, если честно говорить, то ему надо был вспомнить хоть что-нибудь.

Телефон нашелся у кровати. Даже будучи пьяным вдрызг, Стас не изменял себе. Он всегда клал телефон у изголовья кровати, так было и сейчас. Включив гаджет, мужчина сразу же открыл мессенджер и просмотрел последние сообщения. А посмотреть было на что. предпоследнее сообщение было адресовано его бывшей, которую Стас звал на море. Сообщение было отправлено вчера в полдень, ответа на него не было. Было еще одно отправленное, последнее. Стас писал своему боссу. Не веря своим глазам, он перечитывал сообщение снова и снова. Ноги предательски задрожали, и Стас был вынужден сесть на кровать. В сообщении, Стас выражаясь не совсем цензурной лексикой, предлагал своему боссу прогуляться до всем известного полового органа.

В памяти моментально всплыло воспоминание. Босс орёт на него, за то, что Стас не успел вовремя подготовить презентацию. Попытки оправдаться и объяснить, что поставленные директором сроки нельзя назвать реальными даже приблизительно, не давали никаких плодов. Он просто ничего не воспринимал. Орал как потерпевший. Стас в итоге не выдержал и ушел из кабинета хлопнув дверью. Сообщение, он видимо написал позже, и скорее всего в состоянии алкогольного опьянения. Теперь зайти в галерею. Что здесь? Стас удивленно рассматривал фотографии, на которых был он сам и какой-то незнакомый ему, усатый мужичок. Было видно, что они хорошо проводили время. Рюмки, бутылки, куча закуски, даже пару раз на фото промелькнули вполне милостивые девушки. Телефон завибрировал и выключился.

- Ч-чёрт, - произнес Стас, - это что же получается? Я вчера послал директора, и уехал на море. Вечером к тому же, тусил с каким-то толстяком. Допустим. Вопрос, за чей счёт этот банкет?

Зарядки для телефона в номере не было, в голове у Стаса промелькнула мысль, что может быть тут есть стойка ресепшен, где у очаровательных хостес, можно попросить провод. Но перед тем, как выйти из номера, надо было привести себя в порядок.

Из зеркала на Стаса смотрел хмырь с растрёпанными волосами и опухшим лицом. Хмырь Стасу не понравился. Такого умыванием не уберёшь! Стас собрал остатки силы воли и залез под ледяной душ. Когда через десять минут, помывшись, почистив зубы, и расчесав свои патлы, Стас снова глянул на отражение в зеркале, хмыря там уже не было. Стас улыбнулся отражению своей самой лучезарной улыбкой. Получилось гадко.

- Лучше уже не будет, - сказал он отражению, и вышел в коридор.

А отель то действительно был не дешёвый! Мраморные колонны, тяжелые ковры на полах. Широкая лестница, с медными поручнями и балясинами. Большие, широкие лифты. Стас удивлённо разглядывая обстановку, не заметил как спустился вниз и остановился перед стойкой ресепшен отеля. Вместо очаровательных хостес, на него, не скрывая презрительного взгляда, смотрела дама во возрасте, больше похожая на бабу ягу из детских сказок. Стас представил себе, как она утром выходит из дома, садиться в ступу и летит на работу, низко брея над невысокими домами города.

- Слушаю вас, - сказала баба яга, моментально идентифицировав браслет на руке Стаса. Он отметил, что голос у неё под стать внешности.

- Добрый день, нет ли у вас зарядки для такого телефона, - Стас полез в карман, чтобы предъявить гаджет, но женщина остановила его жестом.

- На стойке зарядок не держим, возле входа в отель, есть маленький магазинчик, посмотрите там.

- Хорошо, я посмотрю, - Стас помялся, затем вздохнул и вытащил из кармана ключ от номера, - извините, честное слово очень неудобно. Вы не могли бы посмотреть до какого я у вас поселился и оплачен ли номер?

- Женщина неодобрительно хмыкнула себе под нос, но начала стучать длинными ногтями по клавишам ноутбука, спрятанного в недрах стойки.

- Выезд послезавтра, всё включено, номер оплачен, - сухим бесцветным голосом сказала она, и зачем-то добавила, - оплата мини бара – по прейскуранту.

- Да, спасибо, а про питание будьте добры...

- Завтрак до десяти, - прервала баба яга, - вы еще успеваете. В конце здания, увидите большую двухстворчатую дверь, не ошибётесь.

- Спасибо, - снова сказал Стас и поплелся на завтрак.

Бывать в таких местах Стасу приходилось не часто. На свою зарплату, он не мог позволить себе так отдыхать. Видимо вчера он психанул, и потратил все свои сбережения. Ну что же, впереди два дня отпуска и шведского стола. Как назло, есть не хотелось вообще. Стас минут пять ходил мимо столов, заставленных едой. Его грызла жаба, большая такая, и зелёная. Что-то надо было взять. Добычей стали две чашки кофе из аппарата, бутылка минералки, и стопка тонко нарезанного сыра. Всё остальное вызывало у него легкую тошноту. Сейчас бы пива, но Стас хотел быть трезвым, по крайней мере, до вечера.

Медленно жуя сыр и запивая его кофе, Стас оглядел зал в котором находился. Время для завтрака уже было позднее, и народу было не много. Снующие вокруг в хаотичном порядке люди, сменяли друг друга, словно фотографии в альбоме. В какой-то момент Стас понял, что уже минуту смотрит на одного человека. Девушку. Ничего не обычного, во всяком случае такого, что привлекало в женщинах Стаса, в ней не было. Обычная такая

девушка, или женщина. Стасу вообще было трудно понять эту грань, он не очень хорошо понимал разницу. Собравшись уже допить кофе и вставать из-за стола, он услышал голос.

- «Какая! То что нужно, красная, красная футболка. И хвост есть! Так а цвет глаз? Ладно, это позже посмотрю, хотя уже и не важно, главное родинка на щеке!»

Стас аж дернулся, он снова посмотрел на девушку, голос говорил явно про неё. Девушка сидела в пол оборота, прямо перед Стасом, через два стола. На ней была красная футболка без рукавов, каштановые волосы аккуратно заведены в хвост и на щеке красовалась почти незаметная родинка.

- «Надо сегодня найти место, чтобы завтра хорошо поохотиться. Да! Наконец то! Ты моя!»

Стас быстро огляделся, соседние столы были пусты, кроме одного. Справа сидел мужичок в очках и запихивал в себя здоровенную сардельку, обильно смазанную кетчупом.

- Вы что-то сказали? – спросил Стас у него.

Мужичок, аж поперхнулся, он неодобрительно посмотрел на Стаса, поправил сползшие на нос очки, что-то пробормотал себе под нос, и продолжил неравный бой с продукцией местного мясокомбината.

«Всё надо сделать правильно, чтобы комар носу не подточил», - снова раздался голос.

Стас был уверен, что это сказал не его сосед, поскольку сарделька, которую тот видимо решил проглотить целиком, не позволяла этого сделать. Тогда откуда, чёрт возьми этот голос? Рядом, кроме сарделькоеда, больше никого не было. Чтобы услышать о чём разговаривала пожилая пара, сидящая метрах в десяти, Стасу пришлось изрядно напрячься. Голос в голове, напротив звучал отчетливо и громко. Стас начал вспоминать, что он знает о белой горячке. Может быть всё? Пришла она? Про которую столько анекдотов. Глюки начались. Голос перешёл на хриплый, словно покашливающий смех. А может наоборот, это дар? И он, Стас слышит мысли другого человека? Может сейчас, в этой столовой сидит самый настоящий маньяк, и замышляет свои маньяческие дела? Бред конечно, но при выборе во что верить, в белку или телепатию, Стас выбрал телепатию. Народу становилось меньше. Стас снова огляделся. Вот сидит дед, со скучающим

видом. Крошит руками круассан на мелкие кусочки, закидывает их в рот и запивает, чем-то из высокого стакана. Вид скучающий, но если приглядеться, то видно, что он как и Стас, разглядывает людей находящихся в зале. Станный конечно, но ему на вид лет сто, какой из него маньяк. Вот семейная пара с двумя вечно дерущимися пацанятами. Мамаша постоянно поправляет и одергивает детей, хотя кажется, что они её даже не замечают и после того, как их растащили, словно два магнита притягиваются друг к другу опять. Отец же семейства, не обращая на отпрысков, и жену особого внимания, в открытую разглядывает представительниц противоположного пола. В том числе и девушку с родинкой. Стасу не нравились такие люди, мужчина сразу вызвал у него неприязнь. Хриплый смех в голове перешёл в лёгкое подвывание. Вот сидит мужик в куртке и солнечных очках. Ну прям классический маньяк. Очки в помещении? Зачем? Может быть, чтобы не было видно куда он смотрит. Лицо было направлено как раз в нужном направлении, прямо на девушку. Ещё и куртка эта. Все люди в футболках, а этот в куртке, на пляже интересно, тоже в куртке будет? Всё вроде, остальные немногочисленные отдыхающие, не проявляли к девушке никакого интереса. Стоп. Вот еще один персонаж. Вернее одна. В дальнем углу, сидела черноволосая женщина лет тридцати, нервно постукивая пальцами по столу. Здесь Стас сразу отметил чёткую принадлежность к категории женщин. Брюнетка, всем своим видом показывала нервозность.

Девушка с родинкой, встала. Положила ключ от номера с цифрой тридцать четыре, в карман шорт. Собрала посуду на поднос, отнесла его на раздачу и вышла из зала. Голос в голове сразу погас, словно его и не было. Оказывается, Стас уже начал к нему привыкать. А сейчас, словно выключили давно играющую музыку. Стас решил проследовать за ней, вдруг получится узнать чуть больше. Он поспешно отнёс грязную посуду и вышел.

Девушки уже и след простыл. Зато навстречу Стасу, улыбаясь и широко расставив руки, шёл усатый мужичок с округлым животиком.

- Михалыч, - обратился он по отчеству, крепко обнимая ничего не понимающего, растерявшегося Стаса, - живой! А вчера говорил, что не встанешь! Пойдем со мной, подлечишься. Пойдем, пойдем. Отказа не принимаю.

- Чего желаете Евгений Олегович? - спросил бармен, вышедший из-за стойки и согнувшийся в учтивом полупоклоне, перед вчерашним собутыльником Стаса.

Они расположились в открытом кафе, расположенном на самом берегу моря. Мужичок как зашли, сразу же выбрал вип диванчик, небрежно смахнув с него табличку резерва.

- Давай пару пива для начала, того что мне понравилось. Ну и рыбки там, закуски всякой сооруди. Давай Сереж, ты же всё знаешь. Ты главное, - усатый кивнул на Стаса и понизив голос добавил, - давай перед гостем заведение не посрами.

- Всё понял Евгений Олегович, сейчас организуем в лучшем виде, - бармен удалился, и уже через пол минуты милостивая официантка принесла трехлитровый кувшин с пивом и два больших тяжелых стакана.

- Ну давай Стасян, - сказал усатый, наполняя стакан Стасу, а затем и свой, - за здоровье. Вчера мы конечно дали жару.

- Слушай Евгений Олегович, - сказал Стас, - у меня тут небольшой так сказать провал.

- Ты чего ничего не помнишь? – вылупил на Стаса глаза собеседник, - совсем?

- Совсем, - Стас понуро свесил голову, - проснулся понимаешь сегодня, и всё. Вчерашний день как в тумане. Да ладно как тумане. Как ночью, в чёрном сарае.

- Мд-а-а-а, дела, - протянул усатый, отпивая одним глотком добрую половину пол литровой кружки. – Ну да ничего, восстановим. Чего хочешь знать?

- Всё, - само вырвалось у Стаса, - расскажи всё что знаешь. И это, не рано ли для алкоголя?

- Это что ли алкоголь? Это лекарство. Ты попробуй, а уже потом наговаривай.

Я решил, что хуже не будет и отхлебнул. Этот Евгений Олегович, оказался прав. Моя голова словно очистилась. Я больше не ощущал похмельную тяжесть и заторможенность.

- Ну значит давай сначала. Ты вчера прилетел и заселился в мой отель. Да кстати позволь представиться, Евгений Олегович, но давай по-простому, без официоза. Мне вон, от этих морлоков хватает, - он кивнул на суетящийся у барной стойки персонал. – Значит заселился, вернее попытался заселиться. Ты был в щи. И мои администраторы отказали, на что ты устроил скандал. У меня отель не большой, но очень приличный. В общем, когда ты начал орать, и охрана стала тебя под белые ручки выводить, мимо шёл я. Ты мне не показался опасным, или настроение такое было, хрен его знает. Пошли мы с тобой в ресторанчик, сели за столик, ты и рассказал, что уволился, что и личной жизни нет. Ну в общем много чего рассказал. Разговорились мы с тобой как родственные души, ну и выпили хорошо конечно. Я под это дело решил взять пару выходных, заодно нового управляющего обкатать. Как кстати номер? Помнишь, вчера ходили выбирали?

- Номер отличный, только вот дорогой наверное?

- Да не парься, угощаю, - засмеялся Женя, - тем более сейчас не сезон. Главное полотенце не стащи, когда съезжать будешь.

Стас в немом жесте поднял руки. В его голове начали складываться кусочки пазла. Когда Женя рассказывал, Стас вспоминал. Этот усатый невысокий мужичок, оказался очень интересным собеседником. Время потекло незаметно.

- Извини, надо отойти, - сказал Женя, виновато пожимая плечами, -ничего без меня не могут, постараюсь побыстрее, если чего-то хочешь, зови Сережу. Весь бар в твоём распоряжении.

Стас остался один, голова соображала на удивление легко. Отдыхающие начинали собираться, отряхивая полотенца на которых лежали, от мелкого белого песка. С того места, где сидел Стас, весь пляж был как на ладони. Вот и девушка с родинкой. Под красной футболкой, у неё был такого же цвета купальник. Она, видимо решив искупаться напоследок, медленно зашла в море, и держа голову над водой, так же медленно поплыла в сторону одиноко качающегося вдали от берега, красного буйка.

«Хороша! Это будет славная охота», - снова раздался голос в голове, - «давно у меня такой не было. Я знаю в каком номере она живёт! Завтра я к

ней наведуясь. Мне только нужно подготовиться. Надо сходить за покупками».

Стас начал пристально разглядывать копошащихся на пляже людей. Ага, вот та женщина брюнетка, она делает селфи на фоне играющего солнечными бликами моря. В кадр, кстати могла попасть девушка с родинкой. Вот и тот самый, столетний дед, сидит на шезлонге под зонтом, читает газету. Или делает вид, что читает, а сам внимательно наблюдает за жертвой. Да нет. Ну куда ему? Вот семейство. Двое детей с накинутыми полотенцами и синими губами, сидят прямо на песке и играют в телефонах. Видимо только так их мать смогла заставить мальчуганов выйти из моря. Сама она здесь же, рядышком, лежит на шезлонге в солнечных очках, держа в руке маленькую походную книжку, из тех, что продают в аэропортах за бешеные деньги. Отец. Вот и он на краю пляжа, в курящей зоне. С сигаретой в зубах, разглядывает каждую прошедшую мимо него бабу. Стоп. А вот и этот. В соседней кафешке, расположенной метрах в ста, сидел и глядел на море, сквозь солнечные очки мужик в куртке. Вот те раз. Стас почему-то даже не удивился. Ну прям вылитый маньяк. Девушка с родинкой вышла из моря. Выжала хвост и вытершись полотенцем, подхватила тапочки и шорты и пошла в сторону отеля.

«Давай, давай, ходи пока можешь! Скоро, совсем скоро, я свяжу тебя, и вот тогда посмотрим, как ты себя будешь вести», - голос словно начал отдавать злобой.

- Эй, ты чего уснул? – над Стасом склонился Женя, оказывается он уже минуту пытался достучаться до нового знакомого.

- Извини, чего-то я задумался, - встрепнулся Стас, - как с делами? Всё уладил?

- Да там и улаживать то особо нечего было, так мелкие недоразумения. Слушай, а может ты ко мне управляющим пойдешь? А? Парень ты смыслённый. Условия более чем хорошие. Хотя нет, не надо. Как только станешь моим подчиненным, то всё! Вот так по душам больше мы с тобой не поговорим. А мне так иногда это нужно.

- Жень, у тебя галлюцинации были? – вдруг задал вопрос Стас.

- Ну всякое бывало конечно, но вот так чтобы прям глюки? Нет, такого не было. А что ты видишь что-то чего нет?

- Слышу, но тебе об этом рассказывать не стану, - безапелляционно сказал Стас, - даже не спрашивай.

- Да ладно, ладно, как скажешь, - успокоил его Женя, садясь за стол и подзывая бармена, - продолжим?

Открыв глаза, Стас сел на кровати. Голова была ясная, без малейших признаков похмелья. Часы показывали восемь утра. Стас встал с кровати, взял полотенце, засунул ноги в гостиничные тапочки и насвистывая какую-то смутно знакомую мелодию, вышел в коридор. Внизу, движением головы поздоровался с бабой ягой, и не дождавшись ответного кивка, вышел на улицу.

Вода была обжигающе холодной. Зайдя в море по колено, Стас засомневался в правильности своего решения. Сжав всю волю в кулак, он набрав в лёгкие воздуха, резко окунулся по шейку. Визг вырвался сам по себе. Зато стало тепло. Вода уже не казалась такой холодной. Ровными уверенными движениями Стас погреб, заставляя тело продвигаться по водной глади вперёд. Заплыв за буй, он немного полежал на спине, затем развернувшись поплыл к берегу. Выходя из воды, Стас заметил девушку с родинкой. Он боязливо, поднимая прижимая руки к груди медленно заходила в воду.

- Лучше резко нырнуть, так легче, - уронил он проходя мимо. Девушка ничего не ответила, лишь смущённо улыбнулась и медленно пошла дальше. Голоса не было слышно, правда и на пляже, кроме раздутых неправильным питанием и болезнями пенсионеров, занимающих шезлонги никого не было.

На завтраке Стас старался ни на кого не обращать внимания, голос не появлялся. Стасу подумалось, а может вчера ничего и не было. Просто с похмелья показалось, мало ли что может выкинуть изнасилованный алкоголем мозг. Ну какая к чёрту телепатия? Он встал и пошел к выходу.

«Доброе утро моя хорошая, сегодня нас ждет прекрасный вечер», - раздалось в голове, Стас поднял взгляд. В зал вошла девушка с родинкой. Наткнувшись на собравшегося выходить Стаса, она зарделась румянцем, потупила глаза и прошла мимо.

Стас вернулся в номер и крепко задумался. Допустим голоса нет, и он сходит с ума, это значит, что девушке ничего не грозит. Но если голос, это

правда чьи-то мысли, значит этим вечером может произойти что-то страшное. Зная о готовящемся преступлении, должен ли он, Стас, предотвратить его? И как это сделать? Сообщить органам? Сказать, что слышит голоса, которые что-то замышляют? Нет, это точно не поможет. Его просто упекут в дурку с каким ни будь диагнозом, который сломает всю жизнь.

Обедал он с Женей.

- Прости Стас, сегодня вечером не посидим, - словно извиняясь, сказал владелец отеля, - к нам тёща приехал, будь она неладна. Жена ультиматум поставила, или семейный ужин, или месяц буду жить в гараже.

- Да нет проблем, - сказал Стас, - можно вопрос? Только не удивляйся.

- Конечно.

- Если бы ты, - Стас на секунду замялся, - если бы ты знал о готовящемся преступлении, но не мог об этом никому сообщить, что бы ты сделал?

Женя задумался.

- Я бы действовал сам, других вариантов не вижу. Зная о преступлении, можно подготовиться, чтобы его предотвратить, - он помолчал какое-то время и добавил, - может помощь нужна в чём?

- Нет спасибо, ты уже помог.

Действовать самому? Стас был согласен. Других вариантов он тоже не видел. В голове начал созревать план. Нужно было сходить в город. Купить кое-что, для защиты.

Он встретился с ней на этаже, у её номера. Девушка думала, что случайно, но Стас всё подготовил, он скрытно наблюдал за ней. Ждал, когда она закончит ужин и пойдет в номер.

- Извините, вы не уделите мне пару минут, - спросил Стас.

- Да, конечно, - пролепетала девушка, опустив глаза в пол.

- У меня будет немного странная просьба, могу ли я проверить ваш номер?

- Зачем? - ресницы девушки удивленно задралась вверх.

- Только не смейтесь, - попросил Стас, - мне кажется вам грозит опасность, я хочу проверить номер, чтобы убедиться, что там никого нет.

- У вас очень оригинальный способ знакомиться, вы знаете? – она смотрела Стасу в глаза.

«Карие», - подумал он, - «у неё карие глаза».

- И что же по вашему мне угрожает? – снова спросила девушка.

- Я точно не знаю, - честно ответил Стас. Он решил не рассказывать ей про голос. – Понимаете, это на грани интуиции, можете считать, что у меня бабка была ведьмой. У меня, на самом деле есть несколько вариантов. Можем поменяться с вами на ночь номерами, там, в своём, я всё проверил, или разрешите мне зайти на несколько минут в ваш.

- Даже если там никого нет, кто мешает злодею проникнуть ночью, когда я буду спать, - девушке казалось, что Стас играет с ней в какую-то игру, и решила подыграть. Он нравился ей.

- Этой ночью я буду охранять ваш номер, я буду постоянно находиться в коридоре и следить за дверью.

- Не самый лучший отдых, верно? – улыбаясь спросила она. Стас только пожал плечами. – Давайте так, хоть это и не в моих правилах, я разрешу вам войти в номер и посмотреть. Только не долго.

Девушка достала ключ и щелкнув замком открыла дверь.

- Меня зовут Катя, - сказала она, глядя на мужчину с небольшой спортивной сумкой на плече.

- А меня Стас, - ответил Стас, - я быстро, - он достал из сумки небольшую битку и скользнул в номер. Включил свет и осмотрел небольшую комнату. Заглянул под кровать и за шторы, вышел на крохотный балкончик. Никого не было. Последним надо было проверить туалет. Он тоже был пуст. Стас действительно собирался всю ночь провести в коридоре. Перед тем как выйти, он поставил сумку на край умывальника и взглянул в своё отражение. Из зеркала смотрел незнакомец. Взгляд опустился ниже, на сумку. Молния на ней был приоткрыта, в сумке Стас увидел круглые рулоны скотча. Не успев удивиться этому, он понял, что уменьшается и летит куда-то вниз, в черноту.

Сверху раздался его голос:

- Катя, можете посмотреть на это?

- Конечно, что там? – раздался ответ девушки.

Стас очнулся в аэропорту. Прямо перед глазами, на колонне, висел телевизор. На экране показывали вывеску смутно знакомого отеля. Здесь же пестрела надпись: «Чудовищное убийство на курорте».

- С вами всё хорошо?

Стас повернул голову, на него смотрела женщина лет тридцати, белые волосы, красиво уложенные в хвост, красное худи. На левой щеке, ближе к губе, горела маленькая родинка.

«Здравствуй дорогая, нам обязательно надо познакомиться с тобой поближе», - раздался в его голове голос. И сейчас, Стас был согласен с ним на все сто процентов.

7. Сделано в лаборатории

Я вышел из подъезда. Первое, что я увидел, были птицы. Они сидели на голых ветках и неистово кричали, разбрасывали мокрый снег с веток. Вороны, галки, грачи. Я достал из кармана сигареты, чиркнул зажигалку и затянулся. С крыши съехал снег и упал прямо позади меня, я отскочил, и сигарета выскочила у меня изо рта. Послышался детский смех.

Около первого подъезда, рядом с гаражами стояла девочка. «Как я её сразу не заметил?» На ней была разноцветная, яркая шапка, кислотная зелёная куртка и красные ботинки. Я снова достал сигарету зажёл её зажигалкой и отвернулся.

— Вы бы под козырёк встали, или отошли от крыши подальше.

Я дёрнулся и развернулся. Передо мной стояла та девочка, но теперь я увидел на плече птицу. Я достал сигарету изо рта, чтобы она не выпала. Она подошла ко мне со спины

— Это ручная? — только и выпалил я.

— Что? — Девочка повернула голову к птице и улыбнулась — А... Это... Нет, ну. Не знаю, он уличный. Просто прилетел, когда я птиц кормила.

Чёрные перья птицы блестели как алмазы. А в чёрных хрусталиках глаз я увидел своё отражение. Девочка зажмурилась и на её носу блеснули веснушки. Я затянулся сигаретой.

— А вы кто?

— Я?

— Ну да... — Девочка, не глядя на меня достала из кармана маленький розовый кусочек и протянула ворону. Он тут же его проглотил. — Я вас тут раньше не видела и у вас пальто красивое, тут в таких не ходят.

— Хм... — Я выдохнул дым и посмотрел на себя. Пальто действительно было необычайно длинным, не хватало только шляпы, и я улыбнулся. Дети всегда к себе располагают, особенно когда не залиты слезами, оказавшись за решеткой.

— Да, к тётке Наде приехал погостить.

— Да вы што? — Девочка открыла рот и во все глаза уставилась на меня. — Это вы значит Максим, шпион правительства и телепат? — Девочка протянула палец, чтобы дотронуться до моей руки.

Я дёрнулся. Сердце у меня забилося сильнее.

— Я так и знала.

— Что? Что за бред? Кто тебе сказал? — Я занервничал и потушил сигарету о ладонь.

— Да Тётя Надя и сказала. — Девочка засмеялась. — Да не волнуйся, я тебя не сдам. Тётя Надя всем это рассказывала, но ей никто не верил. — Она сошла на шепот и смахнула птицу рукой. Та вспорхнула. — Ты приехал потому что нужно было найти тех девочек? — Она показала пальцем в сторону двери. На доске объявлений висело несколько фотографий с подписью «Помогите найти ребёнка». Птица делала круг и села ей на голову.

Боже какой странный пернатый.

— Нет, я в отпуске. И я никакой не шпион, работаю нотариусом в фирме «Дятлова»

Девочка подмигнула и улыбнулась, замотав головой, потом поднесла к губам палец

— Ладно, я никому не скажу. Иначе тебе придётся меня убить, да? — девочка рассмеялась и ворон начал вторить её смеху. Это была здоровая птица, я крайне редко видел воронов в наших краях. То ли дело галок или грачей. Тем временем птица села мне на плечо.

— Ого, а ты ему понравился. — Девочка засунула руку в карман и достала маленький розовый кусочек. Ворон тут же проглотил, протянутое ему лакомство.

Я отстранился от птицы, хотя и понимал, что животные для меня безопасны. Что-то зашевелилось у меня в груди, будто предостерегая.

— А может ты попробуешь их найти? Полина очень классная, даже Филиппу она понравилась.

Первое, что я увидел по приезду, были птицы и объявление. Три девочки пропали за три месяца, и я старался об этом не думать. Не то чтобы я был чёрствым уродом, которому всё равно на живых людей. Я был чёрствым уродом, которому всё равно на мёртвых. Этим должны заниматься местные органы и уж никак не я.

— Этим должна заниматься полиция, а я нотариус.

— Да. Да. Конечно. — Девочка вытянула шею и прикрыла ладонью губы — Ты не должен привлекать внимание. Наверное— она похлопала себя по плечу. — Они скоро найдутся, может они ушли гулять и заблудились. — Птица взмахнула крыльями и перелетела к девочке.

Из-за таких наивных детей и плодятся педофилы и маньяки. Боже. Я выкурил сигарету одним махом. Мы меняем мир лишь для того, чтобы такие чистые дети не жили в ужасном мире. Но иной раз им нужно показывать на что он способен, ведь потом они будут переделывать этот мир. Боже, я начал думать, как старик.

Девочка было хотела уйти, но я остановил её.

— Как тебя зовут?

— Ой, извините, я совсем забыла. Меня зовут Маша. Я живу в этом доме, только подъезд четвёртый.

— Слушай, Маша. Больше никогда не подходи к незнакомым людям и...Если будут предлагать конфеты там или игрушки— не бери. И желательно не разговаривай с ними.

Девочка нахмурилась, и улыбка исчезла с её губ, она задумчиво посмотрела вниз, и затем, подняв глаза, сказала.

— Иногда даже у знакомых не нужно ничего брать. — затем улыбнулась и продолжила, — А то всю жизнь должен будешь. Так мама говорит.

Я почувствовал, как меня обдало холодной волной с ног до головы. Ноги и руки обмякли, но я продолжал стоять.

— Ладно, мне пора домой. А то мама заждалась. — девочка вытянула руку. — Ворон перелетел на кулак— Пора прощаться с дядей Максимом.

Птица захлопала крыльями и выдавила едва различимое «Пока, Максим».

Я ещё долго стоял на улице, провожал девочку взглядом. Ворон тоже следил за ней, как сторожевая собака. Он определённо ручной, может просто потерялся. Я открыл дверь. На стенде всё так же висело объявление о пропаже, а я всё так же стоял перед домофоном как когда-то в детстве.

Мой отпуск проходил так же хмуро, как и погода. Днём было тихо и лишь к ночи в наш небольшой сад, слетались вороны, устраивая свой шабаш. Я много думал о нашем разговоре. Очень часто не мог отделаться от лиц девочек, висящих у нашего подъезда. На моей работе очень часто приходилось иметь дело с убийцами и маньяками. Я знал их воспоминания и высасывал мысли. Непонятно, как до сих пор ещё не поехал головой...

— Максим, сходишь пожалуйста за хлебом? — Мама заглянула в комнату не постучавшись. С кухни раздавалась музыка. Она зашла пританцовывая.

Я поднялся с кровати и вздохнул.

— Ещё нужна сметана, сыр, лимонная кислота и петрушка. — Она потянулась ко мне, затем резко отскочила

— Ой, забыла. Ты ж у нас недотрога. — Саркастически пропела родившая меня женщина и подошла к окну, будто порхающая бабочка — Я буду готовить пирог и картошку в горшочках. Как ты любишь.

— Мам, ты знаешь почему... а что за пирог?

— Знаю, знаю. Вкусный. Соседка рецепт дала

— Хлеб, сметана, сыр, петрушка?

— Ещё лимонная кислота, она в пакетике продаётся.

— Хорошо. — Я вышел в коридор. — Эмм, я забыл, напиши лучше список.

Пакет хрустел от каждого шага. На улице было морозно, и я ёжился в воротник. Никогда не видел столько птиц. Каждый раз, когда выхожу на улицу- удивляюсь. Если они соберутся в большую стаю, то могут заклевать

и человека и животное и ребёнка... Я задумался, но быстро откинул эту идею. Нашли бы детские вещи или кости.

Снег под ногами приятно хрустел и обходя лёд, я шёл по застывшему мареву, растапывая куски морозного снега.

Я редко приезжал домой, но он всё так же был для меня непреодолимой преградой гнусных мыслей людей, с которыми я встречаюсь на работе. Дома всё должно быть добрым и спокойным. Казалось, что даже пропажа детей была какой-то шуткой. Я отбрасывал все страшные мысли, но постоянно к ним возвращался. Такой неприятный избыток профессии. Вокруг меня ходили люди, и я шёл медленно, чтобы они успевали меня обходить. Я никуда не торопился.

Внезапно я врезался в человека. Ну, или вернее сказать он врезался в меня. Я от неожиданности уронил пакет. Маленький, пузатый мужичок, ударился в мою грудь и резко выругался.

—Смотри куда прёшь, шпала! — Затем быстро смерил меня взглядом сверху вниз и тут же переобулся — Ой, извини мужик...

Я почувствовал резкий запах спиртного и гнилого мяса. От неожиданности я отступил. Мужик нагнулся за пакетом, как раз тогда, когда нагнулся и я. Я едва зацепил его кончиком пальцев, но...

Он сидел в тёмной комнате. Окна были завешаны старыми плёнками. Пахло прокисшим пивом и гнилым мясом. На грязном подлокотнике кресла стояла бутылка и пульт. Мужчина отхлебнул из горла жидкость и переключил канал телевизора. Картинка с каким-то сериалом тут же сменилась на грязь. Из динамиков послышались стоны. Мужчина снова отхлебнул из горла не отводя взгляд от экрана. Затем резко вскочил и закричал «Зачем ты это сделала?» Пульт тут же полетел в экран и по нему растеклись трещины. Он поднялся, из-под заляпанной футболки торчал большой живот.

Он подошел к зеркалу, где стояла фотография с двумя приятными, улыбающимися людьми: женщина, со счастливой улыбкой и мужчина чёрно. Она была в белом пышном платье с фатой, её новоиспечённый жених обнимал её за талию. Толстяк взял фотографию и шмыгнул носом. «Зачем ты

это сделала?» Слеза пробежала по щеке, и мужчина подошел к окну. Динамики телевизора всё ещё работали. Он отодвинул тряпку и увидел в саду играющихся девочек. На одной была яркая зелёная куртка, которая слепила глаза, а на другой серый пуховик. Он не отрываясь следил за ними взглядом, пока те не убежали в соседский дом.

— Я сам виноват. Извини мужик. — Толстяк поднял пакет и протянул его мне. Я остолбенел. Сердце забило так быстро, что я начал слышать его. По коже потекла тёмная смердящая жижа. Казалось, что я нырнул в выгребную яму.

— С тобой всё нормально? Держи!

Я взял пакет и себя в руки. Мороз тут же перестал существовать.

— Да, просто вспомнил кое-что.

Мерзкое, липкое и грязное стекало по моему пальто, сочилось сквозь ткань. Мне хотелось убежать спрятаться, как маленькому мальчику, которым я когда-то был. Военная лаборатория сделала из меня «Успешный экземпляр проекта «Медиум». Никогда он не видел столько грязи в одном человеке. Даже наркоманы и убийцы, держали руки в чистоте.

— Я тоже должен извиниться, совсем расслабился, ничего перед носом не вижу. — Я сделал дружелюбную мину и продолжил. — Я здесь давно живу, а тебя тут в первый раз вижу.

— Так нужно очки носить. Я Олег Семёнович. — Он показал пальцем на противоположный моему дом. — Там живу.

Я протянул ему руку. — Не в обиде?

Тот замешкался и протянул свою.

— Не.

Я вдохнул его мысли и слегка прикрыл глаза. Этого не хватило, он как ужаленный выдернул руку и попрощался. Я пришёл домой, бросил всю одежду в стиральную машинку и долго тёрся мочалкой. Я видел, как он подошёл к девочке и заговорил с ней. Её лицо висело на стенде с объявлениями.

Мать волновалась. Несколько раз пыталась вызвать скорую, но я уверил её, что всё в порядке, хотя ничего не было в порядке. Это было лишь предположение, ведь я не увидел почти ничего. Он испугался.

Я вышел на улицу. Сад находился посреди микрорайона и вокруг него стояли дома. Тот мужчина наблюдал за детьми с соседнего здания. Я достал сигарету и краем глаза я увидел идущую ко мне девочку.

— Привет. А я тут в магазин иду.

Маша уже шла с пакетом, на дне которого лежали монеты и оттягивали его.

— Да? Мама послала?

— Да-а. Мама.

— А где же твой Филипп?

— Да улетел, пока не видела. У нас мясо закончилось, мне нечем его кормить. Я его позову, когда нужно будет.

Я выдохнул дым

— Он тебя слушается? Дрессированный какой. — У меня на лице растеклась улыбка и я тут же согнал её, покосившись на тот дом.

— Маш, а ты не знаешь дядю такого Олега Семёновича. Он во-он там живёт.

— Ну да. Он нам иногда конфеты дарил. Он хороший, правда вонючий. От него плохо пахло. — девочка зажала нос и захихикала. — Но я его всё равно люблю, он добрый. Соня и Вика его не любили и не хотели с ним играть.

— Да? Ладно, иди.

— До свидания, дядя Максим.

И она пошла, вприпрыжку. Мне стало теплее и как будто спокойнее. Может это оттого что солнце вышло из-за туч, но мне стало лучше, на

мгновение. На улице вновь потеплело, и местами появился асфальт. Он отражал свет так же как куртка девочки, я зажмурился и решил прогуляться.

Пришёл я вечером. Солнце ещё ярко освещало город, но с запада шла чёрная туча. Как-только я завернул на нашу улицу, в груди у меня что-то защемило. У подъезда стояла толпа. Люди резко выкрикивали гудели. В саду уже собралась стая птиц. Я ускорил шаг и быстро подошёл к ним.

— Да что ж это тако-ое делается? — ревела женщина. Она то и дело хотела рухнуть на землю, но двое крепких мужиков подхватывали её под локти. Другие женщины ей вторили.

— Да сколько ж можно то? Найти её нужно найти. Моя девочка.

— Что случилось? Что за шум? — громко спросил я

— Девочка моя, моя дочка, пропала, не вернулась из магазина. Днём ещё ушла, да так и не вернулась. Куда она могла пропасть, здесь пару шагов иди.

«Украли», «Где полиция?», «Людей зовите! Искать будем!»: Кричала толпа.

Я сразу подумал о Маше и у меня сердце ушло в пятки. Я надеялся, что это была не она, ведь я там был и не мог же я... Птицы кричали и их крики ещё больше будили во мне зверя.

— Моя Ма-а-аше-е-енька! — Заревела мать. Для меня это стало последней каплей. Я быстро пошёл вперёд. Вслед мне закричали.

— Мужик? Может ты поможешь?

Но я уже почти бежал. Как я узнал, где он живёт? Когда я подходил к дому, то увидел грязное окно, полностью завешанное тряпками. Он был на третьем этаже. Я подбежал к подъезду и начал рвать на себя ручку. Где-то в глубине дома, я услышал собачий лай. Дверь не поддавалась. Но вдруг старушечий голос закричал «Не рви, ирод! Сейчас полицию вызову» И дверь запиликала. На пороге стояла тощая старушка. Я отодвинул её и побежал по лестнице, та завопила.

Добежав до двери, я почувствовал запах гнили. Я нажал на кнопку звонка и не отпускал. Птичьи трели не уставая звенели в его квартире, но никто не выходил. Старуха кричала.

— Я сейчас полицию вызову!

Я полетел вниз по лестничной клетке: — Вызывайте! Скажите девочка пропала.

— Как пропала? Какая девочка?

На город быстро опускались сумерки. Красная полоска света замерла над горизонтом. Птиц на деревьях стало ещё больше. Они каркали, галдели. Около моего дома уже стоял полицейский бобик. Местные окружили его, а офицер стоял и записывал показания. «День, дня несчастнее!» Нужно было сказать об этом мужике. Чёрт! Нужно было сразу обо всём сказать. Щёки горели.

Я быстро пошёл к бобику, но тут перед моим лицом появился ворон. Я чуть ли не перед его клювом резко взмахнул рукой. Он не давал мне пройти, шурша крыльями перед моим лицом. Я спятил. Он хочет мне что-то показать или... Я вытянул руку и птица села мне на кулак, пронзая когтями кожу.

Множество клеток, освещённых ярким искусственным светом стояли около белых больничных стен. Люди в комбинезонах стояли у дверей и о чём-то громко разговаривали. Уколы. Боль. Сотни иголок в голове. Они пропускали через меня ток. Всё вперемишку. Гвалт. Птиц становилось меньше, их уносили в дверь и никого обратно не возвращали. Его перенесли в другую комнату. В какой-то момент голоса становились понятней, в другой птица начинала их понимать.

Первый полёт после клетки. Разрезающий ветер. Свобода. В небе очень много птиц. Все летят за ним. Не хватает еды. Мусор. Драка. Гул.

Ребёнок в ярко-зелёной куртке. Она разбрасывает зерно по снегу и что-то протянула на руке. Кто-то из его сородичей слетел узнать. Мясо. Теперь летит и он. Вкусно. Ощущение родительского тепла и сытости.

Мужчина, воняющий мертвечиной. Подходит к детям. Уводит. Птица летит за ним. Они идут пешком. Он положил ей руку на плечо. Снег. Ржавые гаражи. Тропинка. Старый домик между голых кусов. Они больше не вышли.

Странная щекотка внизу живота. Самка. От неё приятно пахнет. Она играет и улетает. Птица полетела за ней. Круг вокруг микрорайона. Страх. Время, когда выходит девочка пришло. Её нигде нет.

Я спугнул птицу, она вспорхнула и села на ветку. Громко закаркав. Полицейский обратил внимание и пошёл в мою сторону. Я засунул руку во внутренний карман.

— А ну опусти руки! — Он достал пистолет и начал целиться в меня.

— Офицер, я достаю удостоверение!

— А ну поднял руки за головой.

Филипп закричал и несколько ворон слетели вниз, целясь острыми когтями в лицо мужчине. В мгновение и его лицо покрылось кровавой жижей. Внутри меня всё шаталось и наконец взорвалось. Я кинулся к человеку и распугал птиц.

— Что за чёрт? — Закричал он.

Я достал удостоверение, протянул ему и сказал всё так кратко, как только мог. Мужчина кинулся обратно, опасливо озираясь на птиц, но они уже сидели высоко на ветках. Крылатая и смертоносная армия. Он вызвал подкрепление и начал спрашивать о том мужике. Всё закрутилось быстрее, но я уже перестал мыслить, чувствував только страх. Страх за девочку. Он мёртвой хваткой вцепился мне в грудь. И я пошёл вперёд, по птичьей памяти, которая не должна была существовать. Которую я совсем не должен был чувствовать.

Я вновь слышал гвалт. Птицы перелетали с ветки на ветку, преследуя меня. Ворон приземлился на тропинке и сказал шепелявым и грудным голосом «Максим, там!»

— Ты хочешь, чтобы я пошел за тобой?

— Максим. Там! — прохрипел ворон и вспорхнул на крышу гаража указывая путь.

Это и хорошо, я помнил лишь размытые виденья ржавый гаражей и сугробов.

Под ногами так же хрустел снег, а на город медленно надвигалась тьма. Птица то кружила, то садилась на крышу призывно завывая. За спиной я

продолжал слышать гул. Один раз я обернулся и почувствовал холодный пот. Нас по пятам преследовала стая.

Впереди я увидел знакомый и обломанный столб, что видел в воспоминаниях о девочке. В густых и голых зарослях стоял домик. Из трубы шёл дым.

Густая и мерзкая тревога начала сочиться сквозь кожу и падать на снег, словно кровь. Казалось, что она топила под собой лёд и впитывалась в землю. Птицы одна за одной садились на крышу. Мне начало казаться, будто кто-то выключил звук.

В окне горел свет. Я начал перебираться сквозь снег и ветки, чтобы не попасться на глаза, но когда заглянул внутрь, то не увидел ничего. Обычная кухня с газовой плитой, на которой стояли несколько кастрюль. Стол, стул, умывальник, шкафы. Я обернулся, думая о скором приезде полиции, но всё-таки решился.

Я вышел к двери и постучался. Тишина. Я постучал ещё раз и услышал, как скрипнули тяжелые петли. Затем шаги.

«Да кого ещё могло притащить на ночь глядя»: послышался мужской голос.

Несколько ворон закудахтали. В дверном проёме появилась сытая морда Олега.

— Кого чёрт припёр?

— Открой дверь! Кого ты там прячешь? — Мой голос стал грубее. Мужчина растерялся, но только на мгновение.

— Кто ты? Это частная собственность, вали отсюда, пока я ментов не вызвал.

— Зови не зови, они итак скоро здесь появятся.

Он захлопнул дверь. Не знаю, что думал в этот момент этот убийца, а я честно говоря и знать не хотел, зато я прекрасно знал, как перезаряжают ружье и только успел отпрыгнуть от двери. Пуля пробила деревянную дверь. Птицы вскочили с крыши. Меня слегка оглушил выстрел, но я пополз к стене.

— Ты ещё жив? Вали отсюда. У меня никого здесь нет и быть не может!

— Я представитель закона.

Олег снова перезарядил оружие. Я только подполз к стене как раздался второй выстрел. Он целился в темноту. В небе уже кружила чёрная туча, треща и каркая. Я обошел дом и разбил окно. Она должна быть ещё здесь. Она должна быть ещё живой.

— Ма-аша!

Дверь в комнату открылась, и я еле успел убрать голову. Пуля попала мне в мочку уха, опалив кожу. Я пошел вокруг дома по пояс в снегу, не обращая внимания как в мои туфли вбивается холод. Наконец из дома вышел он, я понял это потому что чёрная туча птиц упала и раздался человеческий вопль. И как в дополнение донёсся очередной выстрел. Выбравшись из-под завалов снега, я увидел чернь.

Кровь брызгала в снег, тысячи взмахов крыльев беспорядочно мелькали в куче. Мужчина кричал и пытался вырваться. Мои ноги подкосились, и я упал в снег. А он всё кричал и кричал. Пока птицы, не проббили его свитер. Он корчился на полу, пытаясь отползти обратно в дом. Несколько птиц лежали на земле, с поломанными крыльями. Но остальные продолжали разрывать, пока мужчина не перестал дёргаться.

Я стоял на коленях в снегу. Свет прихожей освещал растерзанный труп. Шелест крыльев постепенно стихал. Птицы разлетались по сторонам и наконец, я остался с ним наедине. Достал телефон, набрал номер полиции и поднялся. От тела исходил пар, а кровь быстро затвердела. Я переступил через тело и вошёл.

— Маша!

Я был чётко уверен, что девочка была у него и меня вновь обдала холодной волной. Ни в одной комнате не было ни следа Маши, ни личных вещей других девочек, зато изрядно пахло мокрой пылью. Вдруг он был ни при чём...

— Маша! Это дядя Максим. Не бойся. Я не знаю где ты. Ответь.

Тягучая тишина мешались с моей тошнотой. Вдруг я вновь услышал шорох крыльев и на порог приземлился ворон с измазанным кровью клювом.

Он покрутил головой, закричал и исчез в темноте. Я сглотнул и почувствовал слабость.

Вдруг я увидел на полу грязный коврик, угол которого был чист. Я подвернул его и увидел люк. В подвале пахло разложившимися человеческими останками. Я спустился и включил фонарик, в самом дальнем углу лежала Маша в яркой зелёной куртке. Она была тёплой.

Конечно я вытащил её оттуда и только потом узнал, что девочку накачали снотворным. Полиция приехала достаточно быстро, я успел отогреться у батареи закутав девочку в своё пальто. Ночь спрятала место преступления, а меня забрали в отдел дать показания. После того как я вернулся домой, у меня поднялась температура.

Несколько дней мне снились кошмары, где меня жрали птицы. Наряду с высокой температурой, сны были очень яркие и живые. Мать то и дело плакала, принося мне лекарства и воды. Когда я спал мне было страшно, а когда просыпался плохо. Когда-нибудь это должно было закончиться, и я проснулся здоровым. Тогда и было моё последнее воскресенье в родном городе.

— Мам, если хочешь переехать, то так и скажи.

Она стояла с озабоченной миной и кажется с ещё более глубокими морщинами. На плечах платок, в руках сумка с вареньем, которую она собрала мне домой.

— Нет, Нет, Сынок, мне здесь нравится. Только привыкнуть надо.

«К этому не привыкнешь» Подумал я и пожал плечами.

— Тебя точно провожать не нужно, Максимочка?

Я улыбнулся, обнял её и прошептал.

— Не нужно, мам.

Солнце ярко светило, будто тоже вышло меня проводить. Последний раз кинул взгляд на дом, увидел в окне мать и помахал ей рукой. Птиц на деревьях не было слышно, разлетелись искать пропитание. Я вспомнил о том

дне думая, как полиция огородила место, чтобы никакие зеваки не видели тело. Если бы не показания полицейского, на которого напали птицы, то меня бы сочли сумасшедшим.

— Дядя Максим! — Крикнул кто-то мне в спину, и я оглянулся. Ко мне бежала Маша, только теперь в большом сером пуховике, шапке ушанке и с пакетом мусора.

— Маш, на твоём месте я бы не выходил из дома некоторое время.

— Да кого же теперь бояться?

— Вообще-то много чего... — начал я говорить, как ребёнок кинулся мне в объятия. Я оцепенел и тут она докоснулась мне до руки.

Спасибо. Спасибо. Спасибо. Спасибо. Я знаю, что это ты меня спас, ты и Филя. Я вот так вот сильно благодарна.

Я слышал её мысли и видел, как она жмурится. Чувство благодарности, спокойствия и любви растеклось по венам. Оно обожгло и согрело словно хороший виски. Девочка поделилась своими чувствами и любовью, словно подарила жизнь. Я стоял, разинув рот, а она отступила на шаг и засмеялась.

— Я же говорила, что ты телепат. А ты всё нотариус, нотариус.

8. О сложностях жизни в семье телепатов

Главная сложность жизни в семейке телепатов — невозможность разобрать, где чьи мысли. Взрослые, они, ясное дело, опытнее. А ты иногда сидишь, играешь в любимую стрелялку, и тут в голове появляется идея: "Не прибраться ли мне в комнате?" И остаётся только голову ломать, то ли в тебе проснулись гены мамы — фанатки порядка — то ли ты услышал её случайные мысли, то ли они были посланы намеренно.

Или в голове проносится возмущённая мамина мысль: "Так. Какой мерзавец это здесь оставил?!" И сердце начинает выбивать нездоровый ритм, на лбу выступает испарина, колени превращаются в желе, а ты пытаешься судорожно вспомнить, где и что оставлял в последние часы, и не являешься ли тем самым искомым "мерзавцем", и, если ответом на извечный вопрос "Кто виноват?" всё-таки окажется твоё имя, то как ответить на другой, не менее извечный вопрос? То есть: где прятаться? Хотя спрятаться от телепата, это та ещё задачка. Не для нас все эти прятки с картами и морские бои с загадками — ну, думаю, объяснять не надо. Если повезёт, получаешь уже направленный посыл: "Угомонись. Не ты. Не в этот раз". И вздыхаешь с облегчением, но и со стыдом, потому что душевные твои трепыхания уже услышала вся семейка. Правда, если не паниковать, то можно насладиться схожими с моей паниками старших сестры и брата, или испуганной мыслью папы: "Чёрт, заначку что ли нашла?"

Так-то от него лишнего не услышишь, взрослые умеют себя контролировать. По крайней мере, большинство. Но под влиянием эмоций могут, как мы говорим, "протечь". Технике полноценного скрывания мыслей якобы можно научиться самое раннее лет в пятнадцать. Но все дети и подростки телепаты уверены, что взрослые специально хранят её в секрете, чтобы следить за ними. Правда, у обычных детей и подростков проблемы похожие. Как-то слышал то ли мысли, то ли слова (попробуй разобраться в гаме большой перемены) одноклассницы:

— И не обмануть родителей из-за двойки. Они словно мысли читать умеют.

Я тогда ещё подумал: "Тоже мне новость!" Но потом как-то повстречал родителей той девочки, они оказались совсем обычными. Или у обычных есть какая-то своя внутренняя телепатия? Разобраться сложно, потому что мысли нормальных людей слышны не так ясно, как других телепатов.

Словно я радио, а они транслируют на других волнах. Опять же, эта "слышимость" улучшается с возрастом. Дискриминация по возрасту, да.

Кстати о ней: у мамы от слов "обычный" и "нормальный" волосы дыбом встают.

"Ты хочешь сказать, что мы ненормальные? То есть сумасшедшие? Или необычные? Как уроды в средневековом цирке?!" — думает она на вибрирующих от возмущения частотах.

Мама требует называть других "персонами без возможностей невербальной коммуникации". А когда сестра заметила, что это определение объединяет телепатов и немых, общающихся на языке жестов, мама заявила: "Это не то же самое!" и выразительно посмотрела на папу, который до того момента явно не вникал в разговор, но тут же на автомате подумал: "Конечно, дорогая!"

Мне в принципе всё равно, но попробуйте непринуждённо рассказать о новеньком в нашем классе, обычном... эмм, мальчишке без возможностей невербальной коммуникации но чокнутом на полную катушку в придачу.

Вообще, быть телепатов иногда очень утомительно. Не зря мой папа в конце концов пошёл работать на фабрику, хоть и учился совсем другому.

"Целый день не слышно ничего, кроме "бум-звяк-пшшш, бум-звяк-пшшш, — с удовольствием думает он по вечерам дома. — А по окончании смены в мыслях у коллег только то же "бум-звяк-пшшш, бум-звяк-пшшш". Отпуск для головы!"

Мама тоже неплохо устроилась. Она заменяет учителей начальных классов, но берет всегда только первые уроки.

"До большой перемены в классах царит почти абсолютная ментальная тишина, — думает она. — Дети ещё толком не проснулись, да и коллеги не намного бодрее".

Брат собирается стать музыкантом, потому что музыка заглушает все мысли. Таланта у него, правда, не наблюдается, но это вроде сегодня и не обязательно. А на гитаре брэнчать и немного рифмовать он умеет. Даже песню мне посвятил, с обидной рифмой "удивил-дебил".

"Искусство должно затрагивать эмоции, — издевательски подумал он, — раз тебе обидно, всё норм".

Мама, конечно, потребовала, чтобы он попросил прощения, но все знают цену таким извинениям.

Сестра утверждает, что вообще на дух не переносит всех людей — при этом безуспешно старается не думать о сероглазом Сашке из одиннадцатого Б — и будет работать с животными.

Брат одобрил, сказал, что она уже может тренироваться на мне. Мама потребовала, чтобы он извинился, но... Ну, в общем, как всегда.

Я стараюсь думать, что ещё не знаю, кем хочу стать. Потому что любой вариант заведомо проигрышный: родители покивают, подавляя мысли, что это пройдёт, брат начнёт издеваться, а сестре вообще наплевать на всё, кроме Сашки из одиннадцатого Б и его красивых чувственных губ... Тьфу, гадость какая!

Быть телепатом в обществе себе подобных непросто. Очень часто оказываешься в неловком положении. Все детские секреты, начиная от мокрых штанов в садике, первых влюблённостей и плохих оценок в школе становятся достоянием всего семейства. Родители, конечно, все из себя такие понимающие, но хоть и не можешь доказать, чувствуешь, что на скрытом уровне хихикают. А брат с сестрой даже не стараются спрятать обидных ментальных ухмылок, и это обидно, потому что они ведь и сами через всё проходили, но ты этого не застал — пропустил самое смешное по причине нерождённости. Немного отыгрался, когда у старших начался период полового созревания. Правда, родители спохватились, заметив, как я краснею и хихикаю, когда брат запирается в ванной и на несколько недель отправили меня к бабушке. После этого стало чуть поспокойнее: кое-чему они брата явно научили.

А ещё через полтора года процедура повторилась, в этот раз из-за сестры. Вот уж от кого наслушался противно-смешного. Даже папа забывал делать вид, что совсем не слушает, напрягался и забывал жевать за обедом.

Страшно только от мысли, что через пару лет то же самое предстоит пройти и тебе.

Таких, как мы, не очень много, но на наш небольшой город дюжина семей наберётся. Раз в месяц мы встречаемся в специально снимаемом зале и сидим, общаемся. Рассказываем о пережитом, делимся советами, родители жалуются на детей, дети — на родителей. Ну, как все люди в таких ситуациях, только молча. И хотя обычным... извини мама... персонам без возможностей невербальной коммуникации вход на такие собрания запрещён, но кто-то прокрался, пронюхал, разболтал, и прослыли мы с тех пор сектантами. И ты бы и рад не слышать, чего напридумали приподъездные бабки, потому что и стыдно и страшно — Стивен Кинг отдыхает — но не можешь, тупик.

Больше всех нафантазировала бабка Людмила, добавив ко всем возможным извращениям и ужасам финальную церемонию обрезания языка. Рассказывала она об этом всем и каждому к месту и не очень и охотно

множественно, каждый раз добавляя свежих подробностей: то отрезанные языки адским псам скармливали, то отсылали на запад как донорские, а налогов от дохода не платили, мракобесие в общем.

Я по-своему попробовал со слухами бороться: и язык бабушке Людмиле показывал и здоровался нарочито чётко, даже состоянием здоровья поинтересовался.

— А вы случайно на учёте у психиатра не состоите? — спросил. Не просто из любопытства. Мама учила относиться с пониманием к ущербным.

Но в ответ слышал только, что дерзкий, наглый, весь в старшего брата, который вылитый папаша и вообще бесовское отродье.

Родители относились к ситуации проще.

"Подумаешь, сектанты", — отмахивалась мама, — "другие у неё в проститутки и наркоманы записаны".

"Бабушка Людмила? — спрашивал отец, морща лоб. — С проходной что ли?"

Можно только позавидовать такому восприятию мира, как у моего отца.

Но, посоветовавшись, семейный совет принял решение почаще в общественных местах пользоваться вербальной коммуникацией. Потому что привлекать лишнего внимания как и демонстрировать открыто способности телепатом не полагалось, такой был уговор. Причину для сохранения тайны я лично не очень понимал, что-то историческое, но взрослые относились к этому очень серьёзно.

"Вы в школе и в институте почаще разговаривайте", — посоветовала мама.

Брат, сестра и я покивали для виду, но мысли скрыть не сумели.

"На уроках разговаривать нельзя".

"Так, когда вызовут", — подумала мама.

"Тогда я чаще всего не знаю, что сказать", — хмуро подумал я и старался не думать о том, что пытался вслушаться в мысли учителя, чтобы "послушать" правильный ответ... но там звучало только "Убейте меня. Сколько можно?" и прочая депрессивщина.

"Тогда хоть на переменах", — предложила мама.

"Мама! На перемене все мальчишки играют в футбол!"

"Все подружки зависают в телефонах!" — вторила сестра.

"На перемене успеть бы конспект списать, да... (дальше было невнятно, но все догадались, что, не смотря на ссоры с родителями, курить брат так и не бросил)".

"Всё с вами ясно. Не дети, а чума. Придётся тренироваться в разговорах вместе", — решила мама. А если она что-то решила, то всё, капец.

За покупками в следующий раз отправились всей семьёй. Родители наказали всем болтать как норм... — мам, перестань лезть в мои мысли! — конечно, дети без возможностей невербальной... ну, вы поняли.

Началось всё неплохо. Со старушками на скамейке мы все вежливо поздоровались. Мама бодро прочирикала — я забываю и каждый раз удивляюсь, какой у неё красивый голос — домашнюю заготовку о прекрасной погоде. Папа не очень вдохновенно пробормотал что-то о щебете птичек.

"Идиотская фраза", — добавил он мысленно. Мама тут же возмутилась: "Во-первых: фраза замечательная, потому что на корню пресекает сплетни о том, что мы, мол, глухо-немые. А во-вторых: ты сам вообще ничего не придумал, так что не ворчи".

"А что плохого в глухо-немых?" — невинно-провоцирующе спросила моя сестра.

"Ничего!" — отрезала мама. "Просто это неправда. А теперь соберитесь и задавайте вопросы вслух!"

"Мой показался бы вырванным из контекста и странным" — надулась сестра.

"Вслух!" — рассердилась мама.

"Но..."

"Вслух!"

— А я уже рассказывал, что мой доклад по биологии похвалили? — Это брат использовал свою "домашнюю заготовку", чтобы спасти ситуацию.

"Уже три раза!" — простонала сестра мысленно.

— Так держать! — сказал папа без должного энтузиазма.

— Молодец! — воскликнула мама, хваля то ли оценку, то ли сам факт вербальной активности. — А как твои школьные успехи, сынок? — обратилась она ко мне. Это была импровизация, и я растерянно ответил мысленно:

"Нормально".

Потом спохватился и добавил вслух:

— Нормально.

"Расскажи о реферате по истории", — подсказала мама.

— А да... По истории реферат задали, — произнёс я, чувствуя себя идиотом.

— А вот и магазин, — сказал папа, отрабатывая текст как добросовестный статист без капли актёрского таланта.

— Как хорошо, — засмеялась сестра.

Тут не удержалась и остальные. Проходящая мимо пара странно покосилась на нас. Что-то пока не очень получалось не привлекать внимания и выглядеть обычно.

— Я — за тележкой, — сказал брат.

— Ой, я забыла дома очки, — "спохватилась" мама, — дорогой, тебе придётся читать мне список.

Папа флегматично взял в руки мелко исписанную неразборчивым почерком бумажку и почесал голову.

"Во влип!" — подумал он тоскливо.

"Отвечай вслух!" — одёрнула его мама.

— Конечно, дорогая, — отозвался папа таким тоном, что брат, вернувшийся с тележкой, неосторожно подумал: "Ни за что не женюсь!"

Всем стало немного неуютно.

"Поговорим дома", — мысленно процедила мама.

— Мама, мне ещё нужен шампунь, ты внесла его в список?

"Что опять? Мы же только на прошлой неделе купили бутылку?" — подумала мама возмущённо.

"Вслух", — невинно напомнила сестра.

Я с облегчением подумал, как хорошо, что мыслями нельзя убить, потому что мама рассердилась не на шутку.

Но вслух сказала только:

— Что там у нас первое по списку?

— Эм... — протянул папа и подумал: "Не могу разобрать твой почерк!"

"Хлеб! Можно и догадаться!" — ответила мама мысленно.

— Хлеб, — с облегчением "прочитал" папа.

— Значит, за хлебом! — нарочито бодро сказала мама.

— Ура, — поддержал брат.

— Дурдом, — покачала головой сестра и мысленно огрызнулась в сторону покосившейся на неё мамы: "Ты же сказала: вслух!"

"Ну и достанется же ей дома!" — довольно подумал я, не подумав... Ну, вы поняли. Всем опять стало неуютно. Правда, обо мне быстро забыли, когда в мыслях сестры мелькнуло что-то невнятное о тесте на беременность, тут же заглушенное текстом известной попсовой песенки.

"Поговорим дома", — сказала мама и потом мысленно повторяла этот посыл каждые пять минут как мантру.

В подобном духе мы продолжали пытаться друг друга часов восемь по ощущениям, хоть и всего пятьдесят минут по наручному времени. Правда, под конец привыкли, разговорились и смотрелись вполне органично рядом с другими семьями.

— Может, купим пива? — оживился папа перед кассой. Брат жарко его поддержал.

— Придерживайтесь списка, — ответила мама, скрипнув зубами.

Мы покинули магазин с тяжёлыми сумками, плохим настроением, но и с чувством выполненного долга. Истощённые вербально и ментально, домой мы шли молча. Судя по шагающим рядом людям, это было нормальным не только для телепатов.

"Для большинства нормально", — подтвердил дядя, папин брат, который навестил нас днём позже, — "но моя молчунья пробегает по дюжине магазинов за раз — и всё равно полна сил и позитива. Удивительная женщина".

Тётя Света действительно удивительная, хотя меньше всего меня впечатляет её неумомимость в шопинге. Их с дядей брак у нас называют "смешанным": потому что брат отца телепат, а она — нор... персона без возможностей... ну, вы в курсе.

И молчаливой тётю Свету в обычном смысле слова назвать было совсем нельзя, как раз наоборот, большинство обычных... персон без возможностей... ну и так далее... сказали бы, что она — болтушка. Молчала эта женщина ментально, и, кажется, именно поэтому в неё влюбился дядя.

Он рассказывал, как во время первой встречи восхитился её способностью блокировать мысли, почувял родственную душу. Но, познакомившись с тётей Светой поближе, понял, что мыслей в её красивой головке просто не водилось.

— Она — как тихий пруд, — расхваливал влюблённый дядя, — спокойствие, ровная гладь воды, и только изредка через зеркальную поверхность выпрыгивает рыбка "Ой, надо Катьке позвонить" или "Ой, ноготь сломался". Когда спрашиваю её мнение, отвечает "Как хочешь, дорогой" или "Тебе виднее, котик". Женщина-мечта!

Когда дядя впервые представил её нам, мы действительно убедились, что это вполне приятная девушка. Иногда она мысленно мурлыкала песни: только мелодии, слова не запоминала. А вербальная болтовня была вполне невинной, шла фоном и никому не мешала. Чаще всего тётя Света просто описывала всё, что видит.

— Жарко-то как сегодня! Ой, какое красивое платье! Солнышко, а у тебя новая причёска? Все дома, вот славно-то. А пахнет как вкусно!

И в таком духе весь вечер, но, так как ответов тётя Света не ожидает, никто в её болтовню не вслушивается.

А потом у тётки и дяди родился ребёнок, наш двоюродный брат. Нам всем было страшно интересно, в кого он пошёл, но пока не очень понятно. Мысли у малыша есть — громкие, чёткие и простые: "Есть!", "Спать!", "Мокро!"

"Знает, чего хочет, молодец!" — уважительно думал наш отец.

"Подумаешь!" — немного ревниво хмыкала моя сестра.

"Я тоже знаю, что мне нужен новый телефон", — угрюмо думал брат.

А я... Я чувствовал себя не в своей тарелке, потому что скоро мне предстояло пройти Испытание, и нервничал, потому что с одной стороны знал, кто я и чего хочу, а с другой — не был уверен.

Дело такое: Испытание это что-то вроде ритуала у телепатов — да, ещё одна копейка в копилку с надписью "секта".

Всех телепатов, достигших двенадцатилетия, оставляли на денёк в одиночестве в безлюдном месте. Я ведь уже писал: иногда практически невозможно понять, кому принадлежит та или иная залетевшая в голову идея. Но, если никого другого кругом нет, то узнаешь наверняка, что все мысли в твоей голове — только твои. А заодно следовало понять, что ты за человек, чего хочешь, к чему стремишься. То есть, ни мало ни много, найти некое подобие смысла жизни.

Не знаю, где проходят Испытание другие телепаты, а в нашем городке в качестве безлюдного места использовали небольшой островок посреди широкой реки. Ясное дело, уютно провести на нём пару дней можно было только летом в сухие и тёплые деньки, потому что двенадцатилетки с октября до июня записывались в очередь. И через неделю на остров следовало отправляться мне.

Конечно, я пытался выпытать у старших, что и как происходит на острове. Но взрослые только загадочно улыбались. Мои брат и сестра, напротив, отмахивались: "Ничего не происходит. Бред всё это и средневековщина. Слышишь свои мысли и всё. Ничего особенного". Но я не был уверен, можно ли им верить. Иногда они говорили правду, а иногда пытались разыграть, и тогда сам дурак будешь, если поверишь.

Мои сверстники-телепаты тоже не достигли успеха в опросах, и от нечего делать давали волю фантазии.

"Когда ты там спишь, то, наверное, видишь пророческие сны", — предполагал телепат-очкарик (да, такое дело, от близорукости телепатия не защищает).

"На острове обитает кто-то, исполняющий желания", — мечтала голубоглазая телепатка с соседней улицы.

"Наверняка будет больно", — пугливо жмурился ещё один товарищ по несчастью... или счастью... в общем — как повезёт.

Было немного страшно, но ужасно любопытно.

Вот и настал долгожданный день. Мама собрала мне рюкзак, набитый всякой мамчиной вроде свитеров, зубных щёток и бутербродов. Папа пожал на прощание руку и хлопнул по плечу.

Сестра неожиданно прослезилась.

"Когда придут ОНИ, главное: не кричать", — зловеще предупредил брат, но я сделал вид, что совсем ему не поверил.

Лодочник — обычный мужчина... то есть без возможностей... ну, вы в курсе — переправил меня к острову. Ему было глубоко наплевать, кто я такой, и что собираюсь там делать, мысленно он уже тратил заработанные рубли в ближайшей пивнушке.

Расстояние между островом и берегом показалось с перспективы островитянина как минимум вдвое больше, чем оно же, наблюдаемое с берега. Меня уже поджидали небольшая палатка и неведанная до сих пор тишина. Сбросив рюкзак с плеч, я сел прямо на землю и приготовился: сейчас начнётся!

Не знаю, сколько я так сидел и ждал, в тишине время почему-то течёт медленнее, чем на уроке алгебры, только ничего не происходило: в моей голове было пусто. Мне стало жутковато: неужели я такой же как тётя Света? Или брат и сестра не соврали, и происходящее... вернее, не происходящее было нормой?

Стало скучно. От нечего делать я разобрал рюкзак. Конечно, мне не дали с собой ни телефона ни книжки, чтобы не мешать ментальным потокам или что-то в этом роде. Зато мама упаковала блокнот и ручку.

"Может, тебе захочется записать впечатления", — сказала она.

Изначально я ничего подобного делать не собирался: от этого очень пахивало девчачьим дневником. Но теперь идея показалась мне уже не такой идиотский. Правда, впечатлений, которые стоило бы сохранить, не было. Не царапать же: "Сижу. Скучаю. В голове пусто". Поэтому я принялся рисовать. Сначала выводил абстрактные узоры, потом попытался изобразить

супергероя из нового боевика, а затем решил срисовать иву на берегу, когда услышал в голове незнакомый ментальный голос.

От неожиданности я выронил ручку и блокнот и подскочил. Вот оно! То самое!

Но моё воодушевление быстро переросло в удивление, недоумение, а затем и в ужас. Это должно было помочь мне найти смысл жизни? Потому что негромкий однотонный голос бубнил: "Хе, блондинчик совсем ополоумел... Волосёнки жиденькие, глазки безумненькие... Хе-хе... Убрать надо блондинчика. Вычёркиваю, слышите, вы-чёр-ки-ва-ю!"

Звучало, как бред. Я осторожно попытался заговорить с обладателем голоса: "Эй, — сказал, — привет. Ты о чём говоришь? Можно попроще?" Но мой вопрос то ли не услышали, то ли проигнорировали. Я попробовал ещё раз. Чувствуя себя последним придурком прошептал:

— Бог, это ты?

Но и на этот вопрос ответа не последовало.

Не зная, как поступить, я решил записывать всё, что услышу, может, потом удастся разобраться. Вышло: "...дорогой костюмчик. Хе, хорошо сидит, а под ним точно панцирь. Черепаха этот блондинчик. Ядовитая черепаха. Хе-хе... Убрать надо черепаху. Вычеркнуть..." Ну и в том же духе ещё три блокнотных страницы. А потом голос затих.

Кажется, чем бы это ни было, оно закончилось. Я стёр пот со лба, пальцы подрагивали от напряжения.

Начало смеркаться. Поужинав бутербродами — почему мама не может понять, что я не люблю колбасу, хоть какая-то польза от телепатства быть-то должна! — и чаем из термоса, я забрался в палатку и неожиданно быстро уснул. Мне снилась черепаха-блондинка, вычёркивающая из блокнота все мои записи.

Проснулся я в холодном поту и сразу бросился к блокноту: естественно, никто ничего не зачеркнул, весь записанный бред был в целостности и сохранности и непонятно, загадочно и несколько издевательски ухмылялся синим по белому. По крайней мере так мне показалось. А ещё я подумал, что не люблю одиночество и, позавтракав остатками бутербродов и чая, упаковал свои немногочисленные вещи и стал с нетерпением ждать папу. Он должен был забрать меня с острова, и заодно проверить, всё ли ок для следующего двенадцатилетнего телепата.

"Ну как?" — спросил он, хлопнув меня по плечу, но, прежде чем я успел ответить, в голове снова зазвучал голос. "Опасненький блондинчик, хе-хе. Мал, да удал..."

"Это ещё что такое?" — нахмурился папа.

"Ты это тоже слышишь?" — спросил я частично с облегчением, частично с разочарованием.

"Ага. Пошли посмотрим".

Идти нам пришлось недалеко. На берегу островка в кустах сидел старый бомж.

"Не в себе человек. Только как он сюда попал?" — недоумевал папа, а потом спохватился: "Он тебе не докучал?"

"Нет", — немедленно ответил я и занял мысли повторением таблицы умножения. Не знаю, как долго продержится моя защита, но постараюсь всеми силами оттянуть тот момент, когда станет ясно, что мои "откровения" оказались бредом, причём чужим.

"Чем занимался?" — спросил папа по дороге домой. Вопрос служил скорее поддержанию беседы, в душу прошедшим через Испытание не лезли, всё произошедшее... или не произошедшее на острове считалось личным делом испытуемого.

"Писал", — правдиво ответил я и добавил: "Хочу попробовать написать историю". У меня внезапно созрел сумасшедший план: может, шестью шесть тридцать шесть, удастся выдать постыдные воспоминания за придумку, шестью семь сорок два.

Было немного стыдно видеть, как просияла мама, когда папа рассказал ей о моих творческих планах. Деваться было некуда. Не имея ни малейшего представления о том, как создать рассказ, я сел за стол и просто начал писать историю, в которой не нужно было слишком много фантазировать или вообще что-то придумывать — мою собственную. Рука сама вывела первые строки: "Главная сложность жизни в семейке телепатов — невозможность разобрать, где чьи мысли..." Ну а дальше вам читать будет неинтересно.